

18+

Александр Непоседа

Из-за облака

Проза. Поэзия

Александр Непоседа

Из-за облака. Проза. Поэзия

«Издательские решения»

Непоседа А.

Из-за облака. Проза. Поэзия / А. Непоседа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745492-0

Все, что опубликовано в этой книге, ни в коей мере не связано между собой. Ни сюжетом, ни временем. Впечатления, мысли, исторические факты и наблюдения разных лет.

ISBN 978-5-44-745492-0

© Непоседа А.
© Издательские решения

Содержание

Из-за облака	6
Лифт времени	6
Джингау	7
Девушки Хуаншаня	7
Лунный свет	8
Итальянский январь	8
Инфанта	9
Грасс	10
Ницца	11
Канны	11
Исполнение желаний	12
Дублин	13
Уикенд	14
Испания	15
Бискайя	15
Возвращение	15
Венеция	18
Синай	19
Исчезнувшая	24
Девичья башня	25
Три Мстислава и хан Котян	28
Дружба в 10 000 лет	31
Уроки русского	32
Вне зависти	38
Звезда над морем	45
Обворожительная зима	49
Милана	52
Тамила	54
Княжна Ольга	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Из-за облака
Проза. Поэзия
Александр Непоседа

Наталья Вахонина *Фотограф*

Ирина Овсянникова *Иллюстратор*

© Александр Непоседа, 2020

© Наталья Вахонина, фотографии, 2020

© Ирина Овсянникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-5492-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из-за облака Отправляемся в путешествие

Лифт времени

Есть еще одна страсть, преследующая меня с юных лет – связь времен, история. Сегодня, в первый день декабря, я побывал в Национальном музее Ирландии и сразу после этого направился побродить по берегам «черной заводи» – так на кельтском языке звучит слово – Дублин.

Из всего обилия экспонатов, от остатков древнего великолепия, из всего увиденного там, оставил себе единственное, лично важное для меня – задолго до прихода викингов, а затем римлян, существовала торговля кельтского поселения с Европой. Того самого поселения, которое описал Птолемей и назвал его «Эблана Кивитас».

Дублинский залив мелководен и огромен. Его почти правильная полуокружность шириною в семь километров разделяет, вместе с рекой Лиффи, город, на две части. Из северной, в залив тянется дамба, прямая как стрела, а из городского центра навстречу ей, еще одна, вот там, на – теряющейся в водной дали бесконечности – одинокая башня маяка, указывающего вход в порт Дублина. За маяком, за холодными, однообразными серыми волнами, необозримое пространство Ирландского моря, горизонт его мутен, беспокоен, затянут низкими облаками.

Что привело меня сюда?

Увидеть викингов, захвативших эти острова? Римлян, пришедших за ними? Что вело меня в Крым? Когда, будучи подростком, я облазил все пещерные города, развалины древних крепостей. Что тревожило меня на вершине пирамид в мексиканском Теотиуакане, в тот тяжело-знойный вечер, когда багровое солнце чуть ли не в полнеба заваливалось за пустынный горизонт? Что волновало меня в бухте Акапулько, в безумном ослепительном утреннем блеске? Что не дает мне покоя? Я знаю ответ на этот вопрос. Это связь времен, поколений, живущая в нас, это информация, передаваемая на уровне генной памяти, бережно хранимая, неподдающаяся изучению.

Только этим я могу объяснить вспоминаемое мною; удары весел на воде при приближении викингов, тяжелый топот римских когорт, гулкий степной рокот бесчисленной конницы, звон тугой тетивы, взвизг ятаганов, скрип корабельных снастей, хлопанье разворачиваемых к ветру парусов, топовые огни, бесчисленные сражения, погони, замки и форты береговых укреплений, косое крыло при пролете чайки, наконец, на мартовском студенном ветру. А запах фиалок? А хрупкие пальцы возлюбленной?

Я иду сейчас по плоским, плотно уложенным булыжникам дублинской дамбы, к маяку. С моря несет запахом снега, йода, запахом вечности. Подняв воротник пальто, крепко ступая по камням, я поправляю шарф, слушаю крики чаек, звуки, доносящиеся из порта, в этой чужой стране я сегодня встречаюсь с зимой, надвигающейся с северо-востока.

Впереди меня, мужчина, рослый, широкоплечий, развернувшись к ветру спиной, зовет по имени женщину, отставшую от него, остановившуюся возле невысокой груды камней у края дамбы.

– Элижбет! Элижбет!

Но она не слышит, может из-за ветра, или от плеска волн. Глаза ее устремлены в черную заводь, вся ее тонкая фигура, в длинном белом пальто, словно крыло полярной чайки – напряжена полетом. В какие дали? Кто нам скажет об этом?

И почему то вспомнилось: все видят – с кем живет женщина, но о ком мечтает, знает только она...

Джингау

Воздух чист. Полдень нежен.
В бамбуковых зарослях,
длинноногие важные цапли.
И призывный твой голос хрустальный,
как росы золотистые капли.
Рассыпают сияние свежести.

Девушки Хуаншаня

Белым снегом окутало день.
Безнадёжно ослепший закат
фиолетовым выкрасил горы.
Разговор наш ни кто не услышит.
О любви и девичьих секретах.

Гряда Хуаншань находится в провинции Аньхой на востоке Китая. Художники древнего Китая изображали эти гранитные скалы, покрытые соснами, на своих картинах, поражающих воображение. В разные периоды истории воспевали эти горы и китайские поэты.

Лунный свет

Рисунок автора

Ломтик лимона
на чёрно-звёздном блюде.
В дыхании осени
крик ночной птицы угас.

Итальянский январь

Течёт январь по улочкам Вероны.
То, падая туманом, то – дождём.
Над крышами, что солнцем озарёны.
Мы, по привычке, снегопада ждем.

А за окном темнеют кипарисы.
Стучит капель, Какая тут зима?
Кофейный запах. Акварель. Ирисы.
Блеск мостовой из уличного дна.

Ряд фонарей. Дымящееся утро.
Озябнув от несбывшейся зимы.
На парапеты набережной, будто
упали с неба зеркала голубизны.

В колоннадах древних улиц
В нотах лестниц и фонтанов
Мы с тобою едва коснулись
Перекрестьем быстрых взглядов

Там играл слепой шарманщик
С попугаем на плече
Теплый дождь – любви обманщик
Множил кольца на реке

Растворилась и пропала
Мне – лишь тонкий аромат.
Свежесрезанных фиалок
Твой волнующий наряд

Тает эхо и волнение
Перестука каблучков
Разминулись к сожаленью
Обещания – без слов.

○ **Старая сказка** *без знаков препинаний*

Инфанта

– В 14 лет она уже не могла наблюдать без боли бой быков с гибкими людьми в кроваво-изящных плащах.

Ненавидела ложь. Читая молитву – видела мечту.

По утрам, пробегая в свежем чистом воздухе просыпающихся садовых аллей, ловила улыбкой встающее солнце. И обжигал холодом ключ в руке.

Им она открывала в тени нависших ветвей кованую калитку, такую тяжелую, что приходилось налечь всем телом – и сразу открывалось море, небо, и узоры каменных замков на холмах.

Вдали, в глубокой синеве, жутко и маняще дышало и поднималось аквамариновое безумие. Замирали легкие невесомые облака.

Протянув руки к лучам, видела в просвете животрепещущую жизнь, таинственный ток своей крови.

Об этом поведал мне пастух, с вырезанным из солнечного диска лицом, темноволосяй, кучерявый, широкогрудый, в мягкой опрятной одежде и крепких башмаках.

*Нож леппа на поясе – длинное обоюдоострое лезвие и выгнутая, темная полировкой, рукоять. Долгая узловатая трость в руке. Ступивший на росистую лужайку с полотен. На обуви золотилась цветочная пыль. *Караваджо**

Присев на камень, вынул кисет, набил трубку, разжег её, оглядывая горы молодыми итальянскими глазами, остановив свой взор на туманной долине – над нею, вздыхало по-женски

море, вскипало утренним солнцем, нестерпимо горячим, что бывает только здесь, на испанском юге, в разгар средиземноморского лета.

– Как имя этой девочки?

Спросил я, загораясь любопытством.

– Не помню, да и не важно. Инфанта.

Грасс

Грасс в 30 км от Антиба – раскинулся изящным, дамским, душистым платочком на горном склоне. Уютный, добрый и небольшой, я пересек его пешком за 16 минут. Но это было позже, сначала я отправился на поиски виллы, где с 1939 по 1945 год жил Иван Бунин. *фр. Grasse, значит можно и в реверансе, в низком поклоне, со снятой шляпой в руке – Грасс...))* «Жаннет»

Поднимаясь по солнечным улочкам, сквозь аромат божественной лаванды, все выше и выше, туда, на самый верх, откуда открывается великолепный вид на субтропические райские кущи. Туда, где написаны автором знаменитые «Темные аллеи».

Где однажды, проведя бессонную ночь, Бунин написал вот эти строки – «Впереди, в далекой глубине, чуть различимо сквозь сумрак ночное, печальное лоно долин; еще дальше – сонная, холодная туманность: белесо застыло дыхание моря. К западу тучей означаются в небе хребты Эстереля и Мор. К востоку темнеет горб Антибского мыса. И таинственно и мерно, с промежутками, зорко прядет там, на горбе, белый огонь маяка... Еще одно мое утро на земле».

Вот она – редчайшая возможность взглянуть на мир бунинскими глазами! Поклон ему от России...

А я спешу далее, раскрывая этот город, словно богато иллюстрированную, захватывающе интересную книгу, пересыпанную драгоценностями и окутанную колдовством ароматов. Основан – в 11 веке, а спустя пять столетий – Грасс становится городом парфюмеров. И сегодня есть возможность зайти в мастерские и лавки, сохранившиеся с того времени. Колбы, мензурки и прочая утварь покрыты вековой славой создания невероятной смеси духов. Но эта тема отнимет у меня много времени, так она необъятна – своеобразный волшебный и загадочный мир, достаточно только сказать, что производство приносит ежегодно ! 600 млн. евро

Каждый год в начале августа в городе проводится неповторимый не имеющий, кстати, мировых аналогов. Очевидцы утверждают, что такое возможно только в Грасс. , **Фестиваль Жасмина**

Собор Нотр – дам – дю – Пюи хранит три работы кисти Рубенса. Знаменитая устремлена в синеву неба, напоминая о воинственных маврах. *Башия Сарацинов*

Здесь, в Грасс, закончила свои дни . *Эдит Пиаф*

В 1815, Наполеон, в свои амбициозные , в местной типографии напечатал «Сто дней» «Воззвание к народу и армии».

В этом городе родился Жан Оноре Фрагонар, французский художник и гравер, в честь его имени названа парфюмерная фабрика и музей (. революция разорила его, и он умер в Париже полностью забытый)

Сама королева Виктория приобрела здесь недвижимость.

Именно тут родилась легендарная Шанель №5.

Перелистывать исторические странички можно бесконечно.

Место, где обязана побывать каждая женщина, оставив для себя изумительное, пронизанное ароматами – ощущение счастья.

Ницца

От Антиба 29 километров по дороге – среди изумительной красоты, и вот она, ! *легенда*
Приглядимся. Ницца шумна, положила руку на сердце – грязновата. Пляжи галечные, словно в крымской Алушке. Ослепительно жаркий город, волнующий необъяснимой ностальгией и пресловутой жаждой. Суббота, поэтому и туристы, и местные жители расслаблены отдыхом под легкими дуновениями морского бриза.

Разноязычность и улыбки. Синева неба и спасительная тень от платанов и зданий. Множество голых плеч, стройных загорелых ног, открытых колен. До головокружения! Мимо, мимо всей этой блистающей пышности, завуалированной роскоши, от сверкнувшего ясного взгляда – туда, в прохладу, в тишину, в русский Никольский () Православный Собор! *Николаевский*

Он построен при Николае Втором – в период 1903 – 1912 гг. С пятью куполами, высотой в 50 метров, выполнен по образцу московских пятиглавых церквей. Вот уже сотню лет смотрят с иконостаса на входящих в храм – эти глаза. Глаза икон, написанных в Москве иконописцем Глазуновым (. Вся церковная золоченая и бронзовая утварь изготовлена в московской мастерской . Самый тяжелый колокол отлит в . Из полутора миллионов франков, ушедших на строительство храма, русский император выделил из личной казны 700 тысяч. Еще 400 тысяч внес князь С. М. Голицын. *не путать с нашим современником, шута при власти*)
Хлебникова Марселе

Вот и поставим им свечи. И вспомним всех россиян, разбросанных по миру.

Сказать, что Ницца понравилась, не могу. Быть может от долгого ожидания встречи с ней. Я опоздал, а красавица – подурнела. И уезжая оттуда, понял, что уже не вернусь никогда. Прощай.

Канны

От Антиба до Канн фр. Cannes, французское название города произносится как [] с чистым, не носовым звуком «а». 25 минут езды, сначала прочь от моря, потом по дороге E80, связывающей все города вдоль Лазурного берега. *кан*

И еще издали – завораживающий вид.

Раскинутый на семи холмах, поросших эвкалиптами и соснами, апельсиновыми и оливковыми рощами, мимозой, его улочки и дома – все тонет в нежном августовском солнце. Оттуда, с высоты я и увидел Леринские острова.

Архипелаг состоит из двух обитаемых: Сент-Маргерит и Сент-Онора () и нескольких необитаемых островков и скал. *первый известен укрепленной тюрьмой, а второй аббатством*

Они отмечены еще древними римлянами, а на Сент-Маргерит содержался человек в железной маске, навеявший тему для Александра Дюма (). Вольтер пробудил всеобщий интерес к этой загадочной личности, впервые изложив легенду, согласно которой, Железная маска был братом-близнецом Людовика XIV. *отца*

Но это лишь догадки, все кануло в вечность.

Местность, где утвердился Канны, была владением кельтов, позже лигурийцев, и только римлянами был заложен город Оливетум () и построена дорога, сохранившаяся до сих пор. *от прекрасных олив, произрастающих здесь*

«» соединяла Арль с Римом. Строилась она во времена Гай Юлия Цезаря Августа и названа именем его дочери. Сохранятся ли современные дороги через 2 000 лет? *Виа Юлия*

Гражданами Канн были писатель Мериме, художники Ренуар, Лебаск, Боннар. В этом городе закончила свою жизнь в неполные 37, легендарная французская актриса Элиза Рашель Феликс, выступавшая под именем Рашель (). *демонстрировала свой талант в Лондоне перед королевой Викторией, затем перед королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом, который в знак восхищения приказал воздвигнуть ей памятник. Совершая турне по России, поразила императора Николая Первого, пожелавшего встретиться с ней лично. После гастролей в США, в 1855 году, возвращается уже тяжело больной туберкулезом*

Здесь родился композитор Гальяно, драматург Сарду.

Побродив по улочкам, уставленным вазами с цветами и растениями, любовался окнами и балкончиками, затейливыми поворотами и крутыми спусками, надыхавшись всей прелестью бархатного дня, отправился в небольшой ресторанчик с видом на залив (), где и пообедал по-провански, а это – считается лучшей кухней во Франции. *мой взгляд пролетает над бульваром Круазет до острова Сент-Маргерит*

Засвидетельствовал лично.

Исполнение желаний

Перед вылетом из Шереметьево, сидя в салоне Боинга компании Lufthansa спросил шествующих в кабину пилотов – «*Lies – whether our route over Denmark – Пролегает – ли наш маршрут над Данией?*»

– кивнул мне тщедушный малый, вероятно штурман, с иголки одетый, чисто выбритый немец. – *D; nemark? ja! ja!*

– *Ask the flight attendant that she had warned me at the time! I want to see from the air this fantastic country!*

– Попросите стюардессу, чтобы она предупредила меня в это время! Я хочу увидеть с воздуха эту сказочную страну!

– *Окей!*

– *Благодарю!*

Так, на смеси русского, немецкого и английского – мы договорились. Шикарные ребята проследовали дальше. После взлета провалился в сон, сказалось двухсуточное пребывание в Москве, насыщенность встреч и воспоминаний, стремительность времени, морозная пыль и великолепная ночная панорама столицы из окна в поздний час.

Проснулся от прикосновения к плечу, вздрогнув, увидел милое лицо с необыкновенно красивыми глазами, мягкой улыбкой. Хрупкий указательный пальчик указывал строго вниз – «*D; nemark! Copenhagen!*»

Под студеным крылом в черноте ночи сверкали россыпи огней, и с этой высоты я стараюсь разглядеть шекспировскую печаль замка Эльсинор, или плачущую Герду в заснеженном окне маленького уютного городка, Снежную Королеву – укравшего перепуганного Кая, вижу хрупкую и несчастную принцессу, ищущую ночлег и проснувшуюся от ломоты в теле из-за горошины, упрятанной под матрацами.

Все эти волшебные сказки ночными узорами струятся над страной, и только увидев ее однажды, понимаешь, что только здесь, на этих мерцающих островах, в звездной и холодной мгле могли родиться такие строки, доступные детской душе и прочитанные однажды – незабываемые никогда...

Дублин

Рисунок автора

В последний день ноября выхожу из гостиницы на улицу и сразу окунаюсь в пасмурное, холодное утро неповторимого британского королевства.

Напротив, на тротуаре, кипы газет, неутомимый пожилой испанец ловко раскладывает их для распродажи на длинный и узкий стол, за его спиной ярко плещут не погасшие до сих пор ночные огни рекламы, отраженные в изумительно чистых стеклах.

Я легко познакомился с ним в первый день своего приезда. Он здесь очень давно, прибыл из Мадрида, сбжав от сыскарей Франко, пересек неимоверное количество границ, и наконец, остановился в Дублине. Легкость общения с ним объясняется очень просто, он сносно говорит по-русски, путая окончания существительных и прилагательных, при этом отчаянно крутя своими нервными долгими пальцами рук возле своей груди. Красивая шевелюра, красный шарф и тореадорская статья делают его довольно импозантной фигурой среди рассветного бурливого городского движения.

Пока я просматривал «» и перекидывался с ним незначительными фразами, рекламные огни исчезли и мгновенно изменившиеся световые оттенки напомнили о поздней осени. *Коммерсантъ*

Мимо, торопливыми шагами спешат по своим делам мужчины и женщины, осторожно и мягко проезжают автомобили, мотоциклисты – экипированные как космические пришельцы – с жужжанием, чуть быстрее, и все одновременно замирают перед светофором. В меня вливается нарастающий гул проснувшегося города, через низкие плотные облака внезапно проглядывает солнце, я вижу на электронном табло вспыхивающую цифру +1.

В небольшой кофейне, стилизованной под средневековую старину, с украшениями геральдики, я присаживаюсь возле окна.

Ирландка, огненно-рыжая, зеленоглазая, природной красоты молодая хозяйка приносит мне чашечку кофе – *I'm glad to see you!* – я рада вас видеть – она улыбается, и в ее наклоне я улавливаю симпатию.

– она спрашивает меня об утренних пробежках, уже который день подряд я следую мимо этих окон, а она просыпается очень рано. – *I notice that you run in the morning! Do you like it?*

Поразительно в ней еще то, что при смене прелестных платьев, юбок и сорочек всегда неизменно присутствие накрахмаленного миниатюрного передника и изящного ожерелья на шее, придающего особый шарм.

– я отвечаю ей и старательно вглядываюсь в газету, где на третьей странице сообщается о небывалом снегопаде в Москве 29 ноября, о наводнении в Великобритании. – *This is my style, my rule of life*

– я спрашиваю о замужестве, она в ответ звонко расхохоталась. – *You are married?*

– Нет, нет, еще не зажигаются мои звезды – распаивается дверь, входят новые посетители, и хозяйка спешит им навстречу. – *No, no, not yet lit my stars*

Кофе очень горяч, через обрывки разговоров, ароматы бисквитов, кофейных зерен, впорхнувшего холода с улицы и краски осеннего дня, уже торопясь, вынув блокнот и карандаш, нелепо и жарко волнуясь, записываю – – такое вот милое название здешней реки, протекающей с запада на восток, в ту сторону, где за синими морями, лежит огромная страна, замороженная белой зимою, и куда мне еще не скоро возвращаться. *теперь я бегаю вдоль Лиффи*

Уикенд

Приятно проснуться в воскресный день, находясь в отпуске, вдали от дома, в чужой стране, открыв глаза, рассмотреть через французское окно перспективу улицы в утренней синей, холодной дымке.

Прошлепать босиком по теплому полу своего номера гостиницы на седьмом этаже, взглянуть вниз, увидеть промытую пустоту перекрестка – выходной! – перемигивающие друг другу светофоры, одинокий автомобиль – габаритными огнями оживляя на полминуты каменно-стеклянное ущелье – пробегает по самому его дну сверкающей каплей ртути и скрывается за крутым поворотом.

Высокое небо еще полутемное, с крупными черными облаками, а над ними, в глубине, бледные угасающие звезды. Сегодня и я решил отдохнуть. Отказался от утренней пробежки, заказал себе – — чаю в номер, кексы и сыр. *Good morning! please, tea, cake, cheese, number seven hundred and tenth*

Буду сидеть у окна, за столом, любоваться Дублином, наблюдать, как просыпается Ирландия, когда и кто появится на улицах первыми: мужчины или женщины, полисмены или домохозяйки?

Но сделав первый глоток прекрасного английского чая, в шорохе раскрываемой газеты ударило по вискам, и совершенно неожиданно потащила моя память вдали от этих мест. Рассыпая на осколки видимое мною, заменяя на более яркое по насыщенности, видение.

...*Березы, окутанные снегом, северный тусклый рассвет, когда в одно мгновение – невозможно его уловить – вспыхивает низкое зимнее солнце, разрывая твой сон, словно цветочный букет, поставленный мною на окно для твоей внезапной радости, но сон распадается*

так осторожно и невесомо, что твои распахнутые глаза замирают в изумлении... и только тогда – я окликаю тебя.

Испания

Прозрачным утром, босиком
сбежав по хладным ступеням,
не проснувшейся каменной улочки.
Вдохнув океана
изумрудную свежесть,
я видел случайно непорочную
прелесть, слияние солнца
с наготой этой девочки.

Бискайя

Вчера, бросив все дела, отправился в Бискайский залив. Он давно манил меня, необъяснимо и притягивающе.

Название его происходит от Бискайя, провинции басков. Именно оттуда я впервые увидел его, а теперь пустился с рыбаками на лов сардины. Взглянуть на мужскую работу в открытом море, под неумолкаемый свист ветра туго летящего января.

Все-таки, я русский по рождению, и этот зимний воздух, его свежая выгнутая волна радует меня, как никогда, наверное оттого, что я сейчас живу в южной стране.

Баски приветливы, проветренные лица улыбаются мне сквозь морскую каплю.

Руки их, мускулистые, бронзовые, искрящиеся бискайской водяной солью, молниеносно разделяют рыбу, невзирая на качку, буруны на гребнях волн, крутой ветер.

– Тинто ему! Солнце взойдет! *Tinto él! El sol saldrá!*

Тинто – вино басков. Красное, густое. Мне подают бокал, я выпиваю его медленно, так, чтобы за краем бокала увидеть солнце. Пахнет морем, сардиной и снегом.

Чайки бешено режут воздух, с призывным криком тоски по берегу. Мы идем в порт.

Возвращение

Впервые в жизни я увидел её, будучи одиннадцатилетним.

Стоя на кромке берега у морской воды, в августе.

Из-под ладошки, снизу. Городок еще спал.

Солнце пряталось за мысом Алчак. Над Крепостной горой клоками плавал туман. И, вдруг, сорвавшись под дуновением ветра, сдёрнул занавес, поразив меня открывшейся панорамой крепости. Даже издали она показалась неприступной и грозной цитаделью.

Стены и башни выдавали чужестранца, частицу совершенно иной цивилизации.

Генуэзскую крепость в Судаке () я страстно хотел увидеть, начитавшись о ней в энциклопедии и справочниках библиотеки. *для византийцев Сидагиос, для итальянцев Солдайя, для Руси Сурож*

Интернета еще не существовало, поэтому пришлось изрядно потрудиться, листая толстые книги под настольной лампой. Именно тогда, там, я прочёл фамилию, взволновавшую мальчишеское воображение.

Дориа.

Я внезапно вспомнил, что уже где-то встречал на страницах это имя.

Через два или три дня я отыскал прочитанную мною книгу об Андреа Джованни Дориа, смелого и решительного адмирала, командовавшего правым флангом союзного флота, разбившего турков в морском сражении при Лепанто в 1571 году, лишив их могущества на Средиземноморье.

Левым крылом руководил бесстрашный венецианец Барбариго.

Необходимо отметить решение дона испанского полководца, командовавшего союзным флотом. *Хуана Австрийского*,

Хотя он и был незаконным сыном Карла Пятого и Барбары Бломберг, добившись всеобщего уважения при дворе, получил от отца дворец и привилегии . *инфанта*

Перед битвой он приказал расковать гребцов – христиан и вооружить их!

Это конечно не сыграло решающей роли, но во время столкновения судов, гребцы бросали вёсла и брались за оружие, отважно вступая в сражение с неверными.

И ещё.

Кроме моряков во флот вошли абордажные команды итальянцев и испанцев.

Среди них был записан и его брат Родриго. *Мигель Сервантес*

Я думаю, что читатель догадался, лишь добавлю – Мигель в той жестокой битве был дважды ранен: в грудь и в левую руку, которая потом бездействовала у него всю жизнь.

Перейдём от Джованни, приходящимся внучатым племянником самому именитому из семьи – Андреа Дориа, генуэзскому адмиралу.

Перенесемся и мы в начало 16 века.

Юность Андреа совпала со временем величайших бедствий Генуи, раздиравшейся междоусобиями и переходившей то под владычество Франции, то Милана. Прославившись на службе в Неаполе и Милане, он получил в 1513 году верховенство над генуэзскими галерами. И как результат – изгнал французов из всех приморских пунктов, очистив Генуэзский залив от морских разбойников.

Карл Пятый назначает его главнокомандующим своих морских сил.

В 1532 году Дориа одержал у берегов Греции блистательную победу над турецким флотом.

(спор между Европой и Турцией носил перманентный характер, где каждая победа той или иной стороны была лишь временной. Ровно на тот промежуток, пока соперник не восстанет для следующего сражения)

Затем расправляется с морскими корсарами.

Через три года завоёвывает Тунис. Изгоняет французов из Неаполя, затем с Генуи.

Именно при Андреа слава и могущество рода достигает апогея. Громадные владения. Богатство. Власть.

Между тем, в результате заговора гибнет его племянник Джанеттино.

Его сын, Джованни, еще не один раз поднимет семейный герб к синему небу.

Тоже став адмиралом. Вы помните, я начинал рассказ именно с него.

Первые упоминания об этой фамилии в документах Генуи относятся к 12 веку.

Родоначальниками стали выходцы из Прованса.

Д, Ориа – потомки Ориа.

В 1134 году Ансальдо Дориа был избран главой Генуи.

Его сын Симоне стал адмиралом, участвовал в крестовых походах.

Один из сыновей Симоне женился на представительнице правящего рода в Сардинии.

Так Дориа получили владения на острове.

Влияние Дориа распространилась на колонию Каффа и Трапезундскую империю.

Я так долго подводил читателей к этому мигу, чтобы прочувствовать значимость истории.

Вот именно в те годы началось строительство крепостей на черноморском побережье Крыма.

. Создавая опорные пункты в Северном Причерноморье, генуэзцы активно налаживали торговые пути, конкурируя с венецианцами. *В Солдаие и Каффе. Чембало и Воспоро*

Ещё во время походов крестоносцев Генуя предоставила свои суда для перевозок, и впоследствии захватила много поселений на ближневосточном побережье.

Заклучив союз с Никейской империей, беспрепятственно завоевала острова и поселения в Эгейском море.

Вскоре Республика продвинула свои торговые интересы на берегах Чёрного моря где она начала контролировать крымские территории. Генуэзцы поддерживали союзнические отношения с золотоордынскими ханами которые формально являлись верховными владельцами территорий колоний, но предоставляли им полное самоуправление, сохраняя власть лишь над подданными ханов. *(путешественник и картограф Доменико Дориа был послом Монгольской империи в Европе),*

С этих богатых земель купцы Генуи вывозили зерно, соль, кожи, меха, воск, мёд, лес, рыбу, икру, а торговали сукном из Германии и Италии, вином из Греции, пряностями, драгоценностями из Средней Азии. Из Африки везли слоновую кость.

Необходимо признать, что кроме всего прочего генуэзцы перевозили и живой товар. В Средиземноморье рабы были в цене. Время было суровым, но меня укололо в самое сердце, когда я прочёл в документах о пленниках славянах, выкупаемых у татарских и турецких султанов. Впрочем, надеюсь, что к лучшему. У ханов, за неповиновение убивали. В Европе – отдавали на галеры.

О рабах-упоминает тот самый Петрарка в своём письме архиепископу . *скифах Генуэзскому Гвидо Сетте*

Потомки Андреа Дориа продолжали носить титул князей Мельфи. Они перебрались в Рим, где породнились с «чёрной знатью», включая такие семейства, как Ланди и Памфили (). *родственники папы Иннокентия X*

Последний представитель рода Дориа-Пафмили умер в 1958 году, оставив единственную дочь, которая унаследовала палаццо Дориа-Памфили с бесценным художественным собранием (). *частная галерея с богатым собранием живописи, скульптуры и мебели в палаццо Дориа-Памфили на виа дель Корсо в Риме. Наиболее сильная сторона собрания – итальянская живопись XVII века*

В тот первый день моего знакомства с крепостью я долго бродил по выжженной от солнца траве, вдоль стен, поднимался в Консульскую башню, смотрел на море через бойницы цитадели, пробирался узкой тропой над пропастью, гладил рукою древние камни.

Сидя в конце дня на прогретой земле, улетаая взглядом за море, необъяснимо тосковал.

Шумела волна, кричали чайки, горбатились спины дельфинов, лоснящихся в солнечных лучах. Легкие изумительно белые облака уплывали на юго-запад.

Мне безумно захотелось вдаль, туда, за Босфор, в Италию, где в далеком 1139 году Дориа заложили замок, ставший семейным достоянием.

Понадобилось много лет, чтобы мечта осуществилась.

В Портовенере по весеннему ветрено, пасмурно, редко проглядывает солнце, залив подернут рябью и только каменные стены и башни все также верно стоят на страже времени. И в переходах и галереях эхом таит гул моих шагов.

Венеция

Миновав Винченцо и Падую, преодолев 115 км от Вероны, прибыли в Венецию.

Погода не обрадовала, дождливо, пахнет водой и камнями, но при всём очаровании дышится легко.

Каналы пусты, хотя сегодня воскресенье, не сезон. После длительной прогулки заказали печенье по-венециански

(), в небольшом кафе, советую найти рецепт, блюдо изумительно, по словам повара, изобретено древними римлянами. *Fegato alla Veneziana*

Побывали и на острове Бурано – родине венецианского кружева. Оказывается настоящим кружевоплетением занимались дочери знатных фамилий, потому и работы их ценились во всём мире.

История города потрясающе интересна, я отчасти пытался написать о нём в «Монисто для Османа», но теперь добавилось столько впечатлений, что хоть садись и переписывай.

С Востока торговцы издавна привозили ковры, ткани, греческие иконы, изделия из фарфора и прочие товары.

Увозя отсюда муранское стекло () и кружева. *название от острова Мурано*

Сейчас времена изменились, вам могут вручить и подделку, надо быть знатоком, чтобы отличить настоящее от фальши.

Остановились на минуту возле кафе «Флориан», среди посетителей, за трехсотлетнюю его историю – Карло Гольдони (Байрон, Хемингуэй, Бродский. *я сразу вспомнил «Слуга двух господ»*),

И наконец, на площади Сан Марко отведали изумительнейшее мороженое.

В теплом сыром небе носились чайки, пространство наполнено облачностью, плеском волны и смутным ощущением, что я был здесь когда-то. И вот вернулся после долгой разлуки.

Ах, Венеция...

Синай

Синаем я заболел в юности, лет в пятнадцать или шестнадцать. Прочитав у Бунина «». *Воды многие*

Олег встретил меня в Шарм-аль-Шейхе, куда он прилетел из Москвы двое суток назад, ждал, пока я закончу свои дела в Вероне и присоединюсь к нему.

Месяц назад мы договорились вместе подняться на Моисееву гору, побывать в монастыре Святой Екатерины.

Почувствовать Время.

Синай словно создан для этого.

Путеводители предупреждают о трудностях горной тропы и утомительном подъеме, на что решаются немногие. Большинство поднимаются, заплатив 20 долларов, на одnogорбых верблюдах в сопровождении проводников – бедуинов. Но истинные христиане стремятся обойтись собственными силами.

Пока мы укладываем удобные, мягкие рюкзаки, специально закупленные для этого вояжа, тут и теплая одежда (), провиант; хорошо прожаренная баранина, зелень, помидоры (), отличная столичная водка из Москвы. Вода. Туалетные принадлежности: зубная щетка, паста, жидкое мыло. *ночь в горах холодна сыр я захватил в Италии*

Эксплуатируем.

А тебе, любезный читатель, предлагаю прочесть бунинские строки, чтобы понять мою многолетнюю тягу, словно у перелётной птицы ранней весной на туманных озёрах, когда выкачивается солнце и зовёт к той земле, с которой генетически связан навек.

. Написано это в 1911 году

С тех пор миновал ещё один век.

Немного истории. Если позволит читатель.

Синай в древности, да и в античные времена был предметом притязаний всех держав и государств Ближнего Востока. Перечислю по порядку, это впечатляет.

Древний Египет. Израильское царство. Вавилония. Ассирия. Держава Ахеменидов. Птолеми. Римская республика. Мамлюки. Римская империя. Византия. Арабский халифат. Фатимиды. Османская империя.

О каждом государстве можно писать захватывающий роман, настолько их история насыщена загадками, удивительными достижениями культуры, письма, архитектуры, мгновенным расцветом цивилизации, расширением владычества и – упадком, а то и гибелью от ударов соседа.

Вот тебе читатель для размышления.

За 722 года до нашей эры Северное Израильское царство было захвачено войском Ассирии.

Все десять колен, населявшие Северное Израильское царство, были уведены в плен и канули во времени бесследно

Древний Египет имел на полуострове свои (, и возможно – медь. *копи рабы добывали бирюзу, на окружающих шахты скалах нацарапаны египетские надписи*)

Дороги, проложенные через пески и горы Синая вели в Азию. Откуда в Египет доставляли цинк и серебро, окаменевшую смолу и ливанский кедр.

Именно здесь, в Синае проходило . *сорокалетнее скитание евреев по пустыне*

Так называемые протосинайские надписи (.) имеют сходство с протоханаанским письмом. *середина 2 тысячелетие до н. э*

Серабит Эль-Хадем. На пустынных, открытых всем ветрам холмах южного Синая, посреди руин храма Хатхор стоят стелы и камни с написанными на них именами и молит-

вами бесчисленных чиновников и подчинённых, работавших на богатых бирюзовых рудниках во время египетского Среднего царства (ок. 1950—1800 до н.э.).

Изобретение алфавита изменило жизнь миллионов людей на тысячелетия, однако он не был изобретен учеными книжниками. Это детище нескольких великих умов, может быть, одного человека, жившего среди хананеев.

Однако именно египетские иероглифы сделали возможным это изобретение. С помощью алфавита давным-давно пропавшие древние египетские иероглифы тайно продолжают жить в нашем письме по сей день.

Цари Израиля, а затем Иудеи, видимо, владели частью северного Синае.

И наконец, на Синае, в присутствии Моисея и сынов Израиля, Господь собственноручно высек на горе . *скрижали*

Позже записанные в Библию как . *10 заповедей*

Отправляемся в путь.

Юг полуострова – инопланетный пейзаж. Пустынный и дикий. Бесконечные фантастические картины. Причудливые валуны, выступающие из песка на поверхность. Сухой тёплый ветер.

Рай бедуинов. Лишь они приспособились жить здесь, растить детей.

Необыкновенно гостеприимны от многовековой практики выживания среди пустынь.

Имя нашего проводника Наил. Ему 27, дома, вернее в шатре, темноглазая жена Адиля, трое детей, старшая девочка и двое сыновей. 9, пять и два года.

Путь в 130 км мы решили преодолеть на верблюдах, заплатив в ожесточённо-весёлом торге 600 долларов.

(). *Торгуйтесь! Иначе вы потеряете уважение*

На дорогу уйдёт два дня. Добравшись до горы, нам предстоит потратить еще два с половиной часа на пеший подъем. Но мы готовы к этому, а увидеть со спины верблюда Синай – половина успеха от его посещения.

Ужинали, как гости, в настоящем бедуинском шатре, накрытом козьими шкурами.

На два отдельных помещения внутри – его делит растянутый на кольях ковер, расшитый бисером. За ковром – женская половина.

Такие конструкции нам уже встречались, в Афганистане, у пуштунов.

Ещё один довод в пользу единого мира, дорогой читатель.

Приготовление чая для бедуина – особый ритуал, священный.

Кумган, (), огонь. Топливо собирается заранее и впрок. *медный высокий сосуд*

Мармарея – пустынная трава, добавляется в напиток для утоления жажды, придавая приятный привкус и аромат.

Во вскипевшую воду добавляется чай и сахар одновременно. Затем трава.

Дают время настояться. Лепешки из замешанного пресного теста пекутся на углях, в золе, либо на металлическом круге до нежно-золотого цвета.

Основной доход бедуина – верблюды. Разведение коз. Выращивание фиников.

араб, от арабского (пустыня) – одни из лучших следопытов в мире. Они создали науку «». *Бадави (.) обитатели пустыни бадия чтения пустыни*

По следам на песке они в состоянии выяснить, сколько пеших, всадников и верблюдов прошли этой тропой.

В ночное время – а путешествовать с караваном лучше всего в прохладную лунную ночь – проводники легко читают звёздное небо, определяя путь по положению светил.

Не зря древние арабские поэмы начинались описанием следов от покинутого становища, которые тогда были понятны и поэтам, и слушателям.

Вот и мы, воспользовавшись древнейшим транспортом, движемся на север, в горы.

Немного о женщинах, любознательный мой читатель.

В шатре они в ярких длинных платьях («»), но когда они выходят за пределы дома они одеваются в «» (тонкие, длинные черные платья-плащи, иногда покрытые блестящей вышивкой). *джалабея абая*

На улице покрывают свои головы и волосы «тарха» (платок). Когда-то, женское лицо по традиции было скрыто за богато украшенной «бурку», что сейчас можно увидеть только у старшего поколения.

Солнце катит свой диск на запад, к горизонту, и, покачиваясь в седле, я подумал внезапно, что тот древний наш прародитель глядя также на солнечный круг, подметив его безостановочное движение, изобрёл колесо, подняв тем самым цивилизацию еще на одну ступень.

На каком-то возвышении Наил, зорко вглядываясь вперед, останавливается, протягивает руку на восток, мы всматриваемся – еле видимая, узкая, блестящая синевой полоска. Залив Акаба.

Таинственный ландшафт, первозданный библейский вид.

Необыкновенная гармония спокойствия. Дыхание вечности.

Наил затягивает песню, изменившимся глуховатым голосом. Затем мы, на дикой смеси языков стараемся прояснить смысл арабских слов. И я записываю.

Олег говорит, что в тексте перекликаются японский стиль, и персидский с азиатской изюминкой.

Я отвечаю, что так пишут и в Европе.

Вспоминаю французов – Рембо, Бодлера.

И читаю на память.

Так три путника, среди песка и камней, двое русских и араб долго ехали молча, думая о своём.

Поэзия не имеет национальности.

Впереди слева поднимаются горы, кажущиеся мягкими от древности. Где-то там, в их глубине Джабал-Муса, так называют арабы гору Моисея.

А у нас впереди стоянка кочевников, ужин и ночной отдых.

Нас угощают чорба. Сдобренная лимонным соком чечевичная похлебка. Шамшук – омлет с мясом и помидорами. Горячий хлеб. Ароматный чай.

Умывшись, мы валимся на коврики, предложенные гостепреимными хозяевами. Тело и ноги гудят от усталости. За стеной шатра вздыхают верблюды.

Слышен горячий женский шёпот, шуршание песка – там чистят медную посуду. Сон окутывает неумолимо, но я успеваю подумать и сказать, обращаясь к другу.

– *С восходом солнца – в путь.*

– произносит Олег. *За каждый светлый день иль сладкое мгновенье слезами и тоской заплатишь ты судьбе –*

– Чьё это?

Я чувствую попадание строки в самую суть. В настроение, охватившее меня.

– Лермонтов.

Отвечает мой друг. И тут же засыпает.

Закрыв глаза, вижу – качается и качается горизонт, бесконечно плывёт внизу, под ногами верблюда, земля Синая...

На заре немного прохладно. Наил поднимает верблюдов, разговаривает с ними.

Они косят глазами, трутся мордами о его плечо.

Мы завтракаем. Чай, финики, сыр, свежеспечённый хлеб, невероятно вкусный.

Благодарим хозяев.

Отправляемся.

Горы завораживающе играют красками в солнечных лучах.

– Хет!

Звонко кричит Наил.

– Хет! Хет!

Вскидывая руку, показывает нам удирающего среди валунов пустынного лиса.

Вчера вечером отыскав в интернете () написание арабских слов, я испытал настоящее наслаждение, с чем хочу поделиться с читателем. *ноутбук при нас*

Дело вовсе не в том, что арабы пишут и читают справа налево, а в непревзойденной красоте созданного слова. Вглядитесь. Сколько чувства и музыки в каждом.

Бедуины живут в пустыне не менее 4 – 5 тысяч лет.

Потому они в большинстве своем стройны, гибки, сильны и выносливы.

Мы долго сегодня расспрашиваем Наила, и узнаём, что в девушке – бедуинке ценятся, прежде всего, зубы, затем волосы, узость ступни, фигура.

Читайте «Песнь песней» – убедитесь сами.

Наил сворачивает в узкую долину среди округлых гор, мы движемся следом, начинается подъем, местность усыпана мелкими камнями, гористые участки перемежаются с осыпями. Солнце уже высоко, верблюды шагают без усталости, клоня головы в такт, и за двумя или тремя поворотами замечаем внушительную глыбу, лежащую на ладони Синая.

– Джабал-Муса!

Говорит нам Наил.

Мы останавливаемся. От охватившего волнения, от неожиданной встречи с вечностью.

Проводник развьючивает своего верблюда, собирает очаг, наполняет водой кумган.

Мы сидим, вытянув ноги, не сводя глаз с горы Моисея.

Она вся освещена солнцем, стеновой щит, напоминающий крепость – создание природы.

Над вершиной её жуткая небесная синева. Зыбкая даль.

Я знаю, что за ней, в самом сердце Синая, лежит библейская пустыня Фаран.

Вскоре пьем приготовленный проводником чай, лепешки с сыром. Животные лежат недалеко, головами на север, подогнув ноги в коленях, животами на земле. Прикрыв глаза.

– Узок наш путь, будь терпелив, восходя к Богу.

У горы мы расстанемся, Наил уйдёт в обратный путь.

А нам предстоит подняться на вершину, встретить рассвет на ней, затем спуск и возвращение на автобусе в Шарм-аль-Шейх.

Но это уже, мой читатель, совсем другая история.

День облачный, мутный, ветер сильный и мягкий. К полудню мы были уже далеко от Порт-Саида, в совершенно мертвом, от века необитаемом царстве. И долго провожала нас слева, маячила в мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая, и весь день прошел под его величавым и священным знаком, был связан с чувством его близости, его ветхозаветного, но вместе с тем и ночного владычества, ибо это вечно, вечно: «Аз есмь господь бог твой... Помни дни господни... Чти отца и мать твою... Не делай зла ближнему твоему... Но желай достояния его...»

Да, уже целые тысячелетия, из века в век, из часа в час, из сердца в сердце передается всех и вся равняющий и единящий завет: чти скривали Синая.

*Что за газель прошла по базару
В жёлтой рубахе и цветистой юбке
Прошла и пропала, будто мираж*

Заставив сердце моё забиться

*Я слушал бой часов и счастлив был и нем,
Когда открылась дверь из кухни в клубах пара
И в комнату вошла неведомо зачем
Служанка-девушка в своей косынке старой,
И маленькой рукой, едва скрывавшей дрожь,
Водя по розовой щеке, чей бархат схож
Со спелым персиком, над скатертью склонилась, Переставлять
прибор мой стала невзначай
И чтобы поцелуй достался ей на чай,
Сказала: «Щеку тронь, никак я простудилась...»*

Исчезнувшая

В поисках этой благородной дамы я отправился на север Италии, в городок, где, как мне казалось, сохранился её образ.

По крайней мере, я рассчитываю увидеть портрет или гравюру в архивах местной церкви, построенной в 1242 году, либо в частных коллекциях. Не могла же она, дама, пропасть навсегда.

Пока дорога вьется среди холмов в сторону Доломитовых Альп, пока дворники мечутся по лобовому стеклу, смахивая капли дождя, я поведаю читателю, что подвигло меня к путешествию.

София была кондотьером «от итал. *condotta* – договор о найме на военную службу».

Это руководители военных отрядов (компаний), находившихся на службе у городов-коммун и государей и состоявших в основном из иностранцев.

Каждый отряд группировался вокруг кондотьера, который созывал и распускал отряд по своему усмотрению, заключал договоры (кондотты) на ведение военных операций, получал деньги (итал. *soldo* – «плата») и расплачивался с наёмниками.

Случалось, что кондотьеры захватывали власть в городах, основывая синьории «*органы городского самоуправления*».

Вот вдаль уже видны Альпы, даже издали заметна над ними изумительная синева и прозрачный воздух. Вечная красота.

Так вот.

София будучи графиней около 1154 года заключает брак с Гуечеллони из семьи Каме-нези, владевшими Тревизо.

Теперь же владения супругов расширяются на Ченеду, Беллуно и Кадоре.

Обороной владений служили два замка: Кастелло ди Камино возле Одерцо и более мощный – Серравалле в Витторио-Венето, которые контролировали дороги из Тревизо и Ченеды в Беллуно и Кадоре.

Торговля, транспортировка сырья и товара – во всём мире приносила прибыль.

Вспомним Великий Шёлковый путь. За контроль над ним бились практически все восточные правители.

Зная о том, что городок является одним из лучших горнолыжных курортов, я не стал отвлекаться на остальные достопримечательности, кроме заслуживающих моё внимание и любознательность.

Жаль, что день не увенчался успехом.

Ни в архиве церкви, ни в частных коллекциях я не смог увидеть образа синьоры Софии ди Кольфоско.

Не случилось. Да и погода испортилась, надо возвращаться. Видимо время бывает сильнее обстоятельств. Жаль.

Лишь городок вздыхает о ней.

Потому что назван её именем – Кольфоско.

Да так давно, что и не помнит ни кто...

Не так мало для женщины.

Согласись, читатель.

Исчезнувшая красота Софии – ещё одна неразгаданная тайна.

Девичья башня

С римского аэропорта Фьюмичино, что в 30 км от Вечного города, отправился я в этот день в Стамбул.

Аэропорт.

Кипящий муравейник! Говор, смена ярких интонаций:

« Карло! Где мой красный саквояж? – Мамочка! Он же в твоей правой руке!

Она – сущая итальянка, черноволосая, с орлиным взором,

с перстнями на сухих длинных пальцах, вздрагивающая на сквозняке воздушного вокзала.

. Он – стройный, в светло-бежевом пальто, красиво стриженный, с зонтиком в руке, со взглядом полного сыновьяго обожания)

Я был рад, наблюдая за ними. Мадонна улетала со мной одним рейсом.

Шёл слабый дождь, тепло, кажется около 13 по Цельсию, но воздух влажный, ветер почти не ощущается. Через иллюминатор видна дождевая дымка. Взлетаем.

Темноглазая, легкая стюардесса, пробегая мимо меня, лучезарно улыбнулась. Я окликнул, и она тот час принесла мне яблочный сок. Я вынул книгу. Бунин.

Через два с половиной часа я выхожу в Стамбуле точно в такую же погоду.

Тепло и дождливо.

Перевожу часы и время на мобильнике на час вперёд.

Азиопа!

Итальянские стюардессы не выигрывают против восточной красоты Турции. Впрочем, по радушию и отзывчивости я не смог определить лучших в этом вечном споре Европы и Азии.

читаю надпись на английском. *Atatürk International Airport* —

– первый президент Турецкой республики! *Ататюрк*

Он родился в , оставив после себя европейскую культуру для турецких женщин, светскую культуру, обучение детей. *Османской империи*

Аэропорт носит его имя.

Этот международный терминал, крупнейший в Турции, лежит на берегу Мраморного моря. Огромен и чист. С чётко налаженной работой всех служб. С городом он связан линией метро. Автобусы следуют до городских районов: *Таксим, Этилер, Козъятагы*.

И вот он . *Истамбул*

В VII веке до нашей эры пришли сюда и основали . *выходцы из греческого города Мегара Византий*

Арабы называли его (*Истинполис из греческого словосочетания (εἰς τὴν Πόλι (ν) – к городу, в город).*

В русских летописях – *Царьград или Константинов град*.

Давайте сделаем небольшое отступление в прошлое, читатель.

Князь Святослав, «» потерпел здесь поражение, *крепок и гибок, аки барс воевавши хозарское царство, болгар, печенегов.*

В 970 году вступил в стычку с византийцами».

Цимисхия, разбив русов в непрерывных сражениях, ранил князя. После чего начались мирные переговоры.

Для Святослава начались трудные месяцы возвращения домой.

Днепровские пороги сторожили печенеги.

Сегодня для турков, живущих здесь – Так будем именовать его и мы. *Истамбул.*

Наш путь лежит на азиатский берег Истамбула (следы первых поселений в этих местах относятся к неолиту, то есть за 9 000 лет до н. э.).

Там, остановившись на набережной, мы найдём глазами Девичью () Башню. *с ударением на и*

За Босфором, видна россыпь кварталов Ускюдар (старое название Скутари).

Я сразу вспомнил изгнанных из России, после крымского исхода Белой Армии в 1920 году. Именно здесь прозябали они, ожидая своего переезда в Европу (*им я посвятил «Знаки», вышедшую в издании «Дождь на реке»*).

Поклонившись до земли, тронув ладонью землю.

Вечная память.

Генералу Врангелю удалось эвакуировать с полуострова 145 693 человека (из них около 5000 раненых и больных). Из страны было вывезено: до 15 тысяч казаков,

12 тысяч офицеров, 4—5 тысяч солдат регулярных частей, более 30 тысяч офицеров и чиновников тыловых частей, 10 тысяч юнкеров и более 100 тысяч гражданских лиц.

Сам Врангель отплыл на крейсере «Генерал Корнилов».

Первые, связанные с башней исторические сведения рассказывают не столько о ней самой, сколько о скалистом островке, на котором она была построена.

В 411 году до н. э., во время войн между Афинами и Спартой, Византий стал на сторону спартанцев. Так, европейская часть пролива Босфор перешла к Спарте, а азиатская – к Афинам.

Победители предпочли взять пролив Босфор под свой контроль и взимать налоги с проходящих через него кораблей.

Существует несколько версий строительства башни.

По одной – построил афинский полководец Алкивиад для контроля над пришествием персидских кораблей в Босфор. *Девичью башню*

По другой – она была построена во время правления императора Константина как сторожевая. –

В 1453 году, после захвата Константинополя турками этот небольшой форт остался цел и невредим и использовался в оборонительных целях. Затем там возвели маяк, со стороны Мраморного моря.

В славные времена Османской империи башня в основном служила , указывающим кораблям путь ночью, и даже днём в туманную погоду. В шторм небольшие суда привязывали для безопасности к башне, чтобы их не унесло волнами. Во время официальных празднеств с башни палили пушки. Кроме того башня время от времени использовалась для политических целей. Сосланных или приговорённых к смерти придворных держали там перед тем, как отправить на казнь. *маяком*

В 1992 году, в мае, группа молодых поэтов направилась к Девичьей башне и (заявила о своём желании превратить практически заброшенную башню в культурный центр. *при содействии мэра*)

В башне разместились художественные выставки, фотогалерея и даже стали проводиться концерты, на некоторое время она ожила и стала называться *Босфорской красавицей, Стамбульской невестой*.

Мы поднялись в ресторан, находящийся в сердце башни. Вокруг сверкает серебром пролив, там и тут пробегают рыбацкие фелюги, суда, редкие танкеры и сухогрузы.

На юге – Мраморное море. Где-то там, на севере, за пологими апрельскими волнами море Чёрное.

Уплывает тонким, легким силуэтом пассажирский лайнер в сторону моей родины.

В Одессу? В Ялту? В Сочи?

Семь футов под килем!

И доброй швартовки в порту.

Отсюда открывается чудесный вид на весь город. Я вижу катер, спешащий к нашему острову со стороны Кабаташ () и Саладжак (). *европейская часть азиатская территория*

Воистину – перекрёсток великих континентов, давших цивилизацию для всех остальных!

Ужиная () я подумал; у каждой башни есть на слуху десятки легенд. *отличная кухня*

Но ближе к истине, как мне кажется, да и импонирует более всего одна. Вот эта.

Старая цыганка предсказала султану Мехмеду, что его любимая дочь Мегар Шегир умрет от укуса змеи.

Обеспокоенный отец приказал изолировать дочь от змей и поселил ее на крошечном острове, вокруг которого была вода.

Так как Мегар Шегир была красавицей, многие молодые люди (в том числе и иноземные) были наслышаны о её красоте и были бы не прочь на ней жениться.

Персидский принц приехал в Стамбул. Через слуг принцессы ему удалось послать ей пышный букет цветов, который должен был открыть его любовь. Обрадованная принцесса прижала цветы к груди, но змея, случайно попавшая в букет, укусила её. Мегар Шегир уже умирала, когда принц, узнав об этом, переправился на остров, высосал яд из раны и в благодарность получил право на ней жениться, которым тут же и воспользовался.

И жили они долго и счастливо, несмотря на злобные предсказания. Потому что самое главное в легенде, какая бы она ни была красивая – важен итог. Присутствие добра и счастья. .

А мы прощаемся, пусть спокойствие и мир царит в ваших сердцах.

«Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него».

Три Мстислава и хан Котян

Рисунок автора

В этот день 1223 года состоялось первое в истории столкновение русских с татарами – монголами.

Рассматривая причины, отодвинем более в раннее время.

После взятия Ургенча () Чингизхан дал поручение Джучи, () продолжить завоевания в Восточной Европе, где он должен был соединиться с Джэбэ и Субэдэем. Но Джучи уклонился от отцовского наказа. *конец 1221 года его старший сын*

Загадка.

Невыполнения приказа приводило к смерти. Впрочем, взаимоотношения Чингизхана с сыном всегда были напряжёнными. «» висело на Джучи всю жизнь. *Проклятие меркитского плена*

Здесь требуется пояснение.

Джучи родился около 1182 года от первой, самой уважаемой и влиятельной жены Чингизхана – Бортэ, но кто был его настоящим отцом, доподлинно неизвестно. Основной причиной оспаривания отцовства Чингизхана является пленение его жены Бортэ племенем меркитов, вскоре после освобождения от которого родился Джучи.

Возможным отцом Джучи, согласно «», мог быть Чильгир-Боко (который взял Бортэ в наложницы). Так или иначе, Тэмуджин () не признал Джучи своим сыном. *Сокровенному сказанию монголов настоящее имя Чингизхана*

Во время болезни Чингисхана в конце 1225 года Джучи не присутствовал на совете, чем разгневал отца и тот приказал отправить войско в его сторону.

Но поход так и не произошёл, ввиду того что Джучи внезапно скончался. По некоторым источникам был отравлен.

Кстати.

Его именем называлась впоследствии покорённая Русь – *. улус Джучи*

Но вернёмся в Великую Степь.

Не дождавшись Джучи, оба полководца – вторглись с Северного Кавказа в половецкие степи. Применяв излюбленную тактику.

Половцы поддались на уговоры монголов и нарушили свой союз с аланами, после чего Джэбэ разбил аланов, а затем обрушился и на половцев.

Русская летопись сохранила реакцию на это известие Мстислава Киевского.

Ранней весной тридцатитысячный отряд татаро-монголов под предводительством полководцев Джэбэ и Субедэя, совершавший разведывательный поход в Восточную Европу, вышел в половецкие степи и разгромил одну из кочевавших там половецких орд, остатки которой в панике бежали за Днепр.

Бежавший с ними половецкий хан Котян Сутоевич обратился к своему зятю, галицкому князю Мстиславу Мстиславичу Удатному () и к другим русским князьям, прося у них помощи против нового грозного врага *Удалому*

«». *Сегодня они отняли нашу землю, завтра ваша взята будет*

Совет русских князей решил помочь половцам. Узнав об этом монголы отправили послов.

Выслушав, послов убивают. Вызвав тем самым крайнюю враждебность татаро – монголов *. ко всем русским*

В летописях упоминается, что способствовал в этом Котян, призывая князей казнить посланников.

Уж как не ему знать коварство грозного врага.

В апреле 1223 года русские полки выступили в поход к Днепру, во главе войска стояли три старших князя – три Мстислава – Киевский, Черниговский и Удалой.

После переправы через Днепр русские войска столкнулись с авангардом противника и преследовали его несколько дней.

У реки Калки () князья разделились. *ныне Кальчик, Донецкая область Украины*

Было ли это роковой ошибкой? Или русские задумывали применить свою хитрость?

Нам уже никогда не узнать.

Мстислав Удалой с дружинами перешел Калку, оставив Киевского и Черниговского князей на другом берегу.

31 мая 1223 года на реке Калке произошла битва между основными силами татаро-монголов и русскими полками.

Половецкие отряды, не выдержав ударов монгольской конницы, бежали, расстроив боевые порядки русского войска. Это позволило татаро-монголам нанести решающий удар по главным силам русских.

Произошло ожесточенное и кровопролитное сражение, в котором русское войско было разбито, а оставшиеся в живых отступили за Калку.

Бросившись за ними в погоню, татары разбили и полк Мстислава Черниговского. Пир был прерван звенящими ятаганами и жутким свистом стрел.

Лагерь Мстислава Киевского был взят на третий день.

Что они ждали? Трусость? Расчёт?

Крылом ворона накрыла гибель.

Уцелевших князей уложили на землю, накрыли «плахами древесными» приказав всем воинам пройти с вооружением и лошадьми. Мстислав Удалой () бежал. *дед Александра Невского*

Коварство врага победило междоусобицу.

Остается добавить, что половецкий хан Котян после разгрома его Батыем () бежал в Венгрию. *в 1237 году*

Из исторических источников известно, что Котян был крещён по латинскому обряду в 1239 г.

Одна из дочерей Котяна, известная как , была помолвлена и впоследствии вступила в брак с сыном Белы IV, позже ставшим Стефаном () V Венгерским. *Елизавета Куманская Иштваном*

Однако, венгерская аристократия, памятуя прежнюю переменчивость хана Котяна, отнеслась к половцам без излишней симпатии.

Буквально накануне Монгольского вторжения в Венгрию, дворяне-заговорщики убили Котяна и его сыновей в Пеште.

Монголо – татары вернутся на Русь через 14 лет. Их приведёт Бату (). *Батый*

«Б». Пока я нахожусь в Киеве – по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная татарской сабле не махат

«». Слыхали мы, что вы идёте против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сёл ваших; не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите

с нами мир; коли побегут к вам, – гоните от себя и забирайте их именование; мы слышали, что и вам они наделали много зла; мы их и за это бьём

Дружба в 10 000 лет

Степная кошка до сих пор распространена по всей Северной Африке и в обширной зоне от Средиземноморья до Китая, где она обитает в зарослях саксаула в пустынях, в кустарниках возле водоёмов, в предгорьях и горах.

От себя добавлю, что кошка – единственное существо на Земле, которое может менять свой статус в течение одного поколения. То есть, из дикой – стать домашней и наоборот.

Домашние котята, попавшие в природу или просто лишённые общения с человеком, быстро дичают. А дикие детеныши, взятые в дом, вырастают абсолютно ручными.

Проживая в свое время в Крыму, совершенно случайно,

(), в окрестностях Ай – Петри я поймал дикого котёнка. *с превеликим трудом*

Ему вероятно было не более 2 месяцев.

Великолепный трёхцветный окрас.

Жёлто-белые полосы на теле, словно у тигрёнка, темно-серые уши и совершенно белая манишка на груди.

В руки он не давался. Злобно шипел и показывал острые зубы. В машине нашлись брезентовые рукавицы, и я всё-таки сумел схватить малыша за загривок. При этом и он оказался молодцом, прокусив мой палец.

Три первых дня в доме он не притрагивался к пище. Забившись в угол демонстрировал решительность постоять за себя. Весь его вид () говорил – «не подходи». *выпускаемые коготки, шипение, обнажившиеся клыки*

Выручили рукавицы. Выбрав момент, я вновь крепко взял его за загривок, принес в руке к блюдечку с молоком и пригнул его голову вниз, окунув мордочкой. И отпустил. Он фыркнул, попятившись назад. Замер. Я наблюдал издали.

В малыше шла внутренняя борьба. Незнакомый запах и вкус. И чувство голода. Победу одержало второе. Он долго и жадно лакал маленьким розовым язычком, аккуратно, не уронив ни капли на пол. Расставив широко лапы. Хвостик дрожал от напряжения.

Затем он долго тщательно умывался.

На другой день я лежал на веранде и видел, как он ест из блюдца творог, захватывая его лапой. Затем снова умывание, чистка лап и – урчание!

Он двинулся в мою сторону, легко прыгнул и оказался у меня на спине. Мягкими движениями подушечек передних лап, с тихим «мур-мур», он повозился немного и уснул в районе моих лопаток.

Это стало нашей общей победой.

Рос он стремительно. Наливаясь мощью и гибкостью. Зорко следя за личной территорией, не допускал никакого присутствия чужих кошек, грызунов.

Встречал меня с работы, услышав шум автомобиля, перемахивал через ограду, подбегал к моей открывающейся двери и ждал, когда я выйду. Мягким прыжком оказывался на моем плече. Будучи малышом он таким образом любил прогуливаться со мной по саду. Правда, тогда я его усаживал сам.

Он был ночным охотником. Перед тем, как мы ложились спать, он уходил из дому.

Утром на крыльце я обнаруживал задушенных мышей. Кот их никогда не ел. Он лишь показывал итоги своей работы. Сам же обычно в это время дремал на солнышке, положив голову на лапы. Будучи исключительно чистошерстным, сильным, преданным, доказывая ежедневно свою значимость – оставался независимым, свободным.

Рождённым в горах.

Уроки русского

Каждым утром, выходя из дому, неспешно проходил мимо, слегка кося глазами в сторону её окон. В надежде, что удастся различить в сумраке комнаты – силуэт, светлый промельк лица. Затенённости и таинственности добавляла сирень, густо разросшаяся в полисаде.

Однажды, совсем неожиданно для обеих, увидел как она, проснувшись, стоя в ночной сорочке, расчёсывала волосы в слабом свете зари.

Наклон головы, обнажённый локоть, волна волос и стремительные движения гребня.

Он замер.

Почувствовав посторонний взгляд, резко повернулась, повела плечом и погрозила пальчиком.

Смутился, но её улыбка, глаза, светились радостью – улыбнулся в ответ и склонил голову.
– Мария Воронова!

Из четвероклассников, стоящих напротив выпускников, выпорхнула миниатюрная светлоголовая девочка. Распахнув глаза, остановилась.

И тогда он услышал свою фамилию.

Одноклассники дружно загудели.

Вахрушева сразу заключила, откинув пышную косу и внимательно оглядывая.

– Самый высокий и самая малявка.

– Давай, наш джентльмен.

Гончарова подтолкнула в локоть. Пахнула сладкой цветочной смесью.

Вобрав в себя улыбки друзей, шагнул.

Подхватив Марию, легко посадил на плечо, держа её за лодыжки, левой рукой она обняла его голову. Почувствовал хрупкость пальцев и тепло ладошки.

В правой руке девочки невесть откуда – он слишком был занят новым знакомством – появился бронзового цвета колокольчик.

Они двинулись по кругу актового зала, затем в коридор, вниз по лестнице, повернули налево и прошли вдоль выпускных классов с трелями последнего звонка.

Серебристо – весомый звук бил в окна, рассыпался по подоконникам, сливаясь с солнечными горячими всплесками.

После церемонии, идя рядом спросил.

– Волновалась?

Взглянув снизу, поправила чёлку.

– Нет. Нисколечко. А вы такой сильный.

– Потому что ты легкая.

И, улыбнувшись, помчалась в свой класс.

По спине смешно и задорно прыгали косички с крупными белыми бантами.

Затем в его жизнь неожиданно, впрочем, как и для любого, вошла война.

Кровавая, пыльная, раскаленная война.

Афганистан.

Ему повезло. Не попал в списки убитых, пропавших без вести. Не покалеченный, не получивший пулю от снайпера, а ещё ужасней – шальную. Не взорвавшийся на mine.

Не погибший от ран или кровопотери от них. Не замерзший в горах.

Он вернулся домой через пять лет.

И увидел, как она выросла. Мария.

Оказалось, что живет рядом, в двух шагах.

Из-за разницы лет он не замечал.

Так случается. Возраст играет нами независимо от разума.

Утро, майское, тёплое, пронизанное нежным цветением яблонь, голубиным клёкотом.

Проходя мимо школы, услышав говор и смех, обернулся.

Она бежала, шла, летела, цокая каблучками, щёки пылали весенним пожаром.

На плечах струился шёлковый шарф, белое платье, белые туфли.

Мираж. Неземное. Только взгляд её глаз. Такой же, запоминающийся.

Растерявшись, поразившись её взрослости, отыскивая в памяти тот день, когда впервые увидел, осознал, что ни разу, ни на секунду не задумывался, не вспоминал эту девочку из прошлой жизни. Ни лица, ни имени, ничего.

Да и было ли это?...

Она же, налетев, словно ласковый ветер.

– А я знала, что вы вернетесь! Правда, правда! Что с вами ничего не случится. Что я снова увижу вас!

Встретились глазами. Поправляя ниспадающие волосы, улыбалась.

– А я уже школу заканчиваю! Мама платье на выпускной бал шьет, красивое, красивое! Хотите посмотреть?

Он хотел выдумать причину, чтобы отказаться. Но она не позволила.

– Согласны?

Взяв его за руку, потянула за собой.

– Идёмте – же!

И он подчинился.

Её ладонь утопала в его крепкой руке.

Невероятная девичья свежесть исходила от плеч, волос, словно от реки, накрытой летним слепым дождём, когда косые штрихи, пробитые солнцем, беззвучно разбиваются на воде звонким бисером.

Говорила без умолку.

Рассказывала о своей учёбе, подругах, маме и бабушке, о прочитанных книгах. О том, как дождливым осенним вечером встретила его мать.

– Где он?

И узнав, испугавшись полудетским страхом, прошептала.

– Дайте, пожалуйста, адрес.

– Я писала вам! Все эти годы!

– Мария! Тот адрес, на который вы писали, сменился. Мне пришлось воевать в разных местах. Ничего не поделать, война.

– А какая она, война?

Он остановился. Дрогнуло холодом под ложечкой, там, где душа.

Она выжидательно зябла от любопытства.

– Хотите, Машенька, я вам стих прочитаю?

Ослепительно улыбнулась.

– Да!

– Это написано Юлией Друниной.

Женщина и война – особая тема, Машенька.

– Очень страшно?

– Очень! До ледяного холода.

Когда начинаешь слышать полёт пули, мины, автоматически просчитывать время до взрыва, равнодушно собирать убитых друзей, знай, ты уже в списках прошедших войну.

Без права прощения.

Провела ладонью по его щеке.

– Я так рада вашему возвращению!

– Тебя не беспокоит разница в возрасте?

– Совершенно! Мне скучно с ровесниками. Вот мы и пришли!

Отворив калитку, повела за собой, в дом.

Дрогнувшим голосом.

– Никого. Проходите, я быстро.

Проводила в свою комнату.

Аккуратно застеленная кровать, стол с кружевной скатертью, комод, над ним округлое зеркало, книжный шкаф.

Оглядывая корешки книг, разглядел фотографии стоящие на полочке снизу.

Узнал свой класс, их снимал фотограф, пришедший по приглашению учеников.

После сдачи экзаменов.

Девчонки в первом ряду, мальчишки на ступеньке выше – школьного крыльца.

Рядом фото старшеклассников. Найдя Марию, понял, что это недавнее.

Совершенно незнакомые лица.

Промелькнула мысль.

«Тогда они стояли перед нами, в день нашего последнего звонка».

– Вот и я!

Обернулся. Охватывая взглядом.

Босая, в струистом долгом сиреновом платье, распущенные волосы, сияющая глазами.

– Ты очень красива, Машенька!

Вырвалось у него.

– Вам нравится?

– Очень. Жаль, что у меня нет с собой фотоаппарата.

– У меня есть! Снимете? Сейчас.

Всплеснув руками, бросилась в соседнюю комнату.

Тут же вернулась.

– Давайте вместе, этой камерой можно!

Поставила стул, присела.

– Вот так! А вы – рядом! Возле меня!

Он сфокусировал, установил выдержку, нажал кнопку, встал за её плечом, коснулся спины. Вздогнула, подняла глаза.

Вспышка. Щелчок.

Радостно захлопала в ладоши.

– Наша первая фотография! Правда?

Резко развернувшись, вспыхнув, прикрывая глаза.

– Поцелуйте меня!

Наклонился.

Во дворе раздались женские голоса, шаги.

– Мама с бабушкой.

Испуганный взгляд, учащённое дыхание, шепчущие губы.

– Ничего не бойся.

Подойдя к окну, растворил его – коснувшись подоконника мягко выпрыгнул.
Она рассмеялась. Протянула ладонь.
Стоя меж кустами сирени, поцеловал пальцы.
– Я буду ждать.
Шепнула на прощанье.
Дома состоялся не простой разговор.
– Оставь её сынок!
– Ты о чём, мама?
– Я видела вас сегодня вместе. За ней одноклассник присматривает. И он, и друзья его – бандиты.
– Какие это бандиты, мама, шпана. Бандитов я посмотрелся. Настоящих, головорезов.
Наливая чай, долго смотрела ему в глаза. На лбу проявилась морщинка.
– Местные не лучше и не хуже, сын. А тебе университет надо закончить. Закружишься с девчонкой, затуманит она тебя.
– Прости, я буду поступать, как считаю нужным.
– Как знаешь.
После утренней пробежки, стоя во дворе, обливаясь холодной водой из ведра, услышал.
– Доброе утро!
– Машенька! Куда в такую рань?
– Сегодня экзамен по русскому!
Обернувшись полотенцем, подошел к калитке.
В школьной форме, с белоснежным фартуком, такими же бантами, словно праздничный майский утренник.
– Я подожду тебя в сквере, за школой, хочу поздравить первым. Хорошо?
– Ой, правда?
– Удачи тебе. Ни пуха, ни пера!
– К черту!
И она ясно улыбнулась.
– Поди сюда!
И легко поцеловал возле губ.
– Какой вы!
– Какой?
Залившись румянцем и счастливым смехом, побежала вдоль улицы, оглядываясь, ловя его взгляд.
В сквере нахлынуло.
С Гончаровой у них начинался роман.
Незадолго до этого, он прочел о Пушкине, все, что отыскал в библиотеках, был захвачен поэтом напрочь, переплавлял в себе его жизнь, судьбу, бесконечные поездки, ссылки...
Гончарова Наталья.
Стройна, белокура, с красивым профилем, пушистыми ресницами.
Вдохновлённый сходством – с женой поэта.
Имя и фамилия.
Самая яркая в классе.
В шестом и седьмом они сидели за одной партой.
Потом равнодушно общались на переменах, она слыла отличницей, но иногда просила списать домашнее задание по русскому языку. Он протягивал тетрадь.
Благодарила.
Локоны, слабая близорукость глаз – она щурилась.
Обворожительно улыбалась.

Они мало встречались вне школы, лишь в мае что-то сдвинулось, потеплело, окутало и её и его.

Экзамены перечеркнули тот короткий период. Он много занимался. А по окончании школы уехал к морю.

Необходимо было отдохнуть, набраться сил и солнца, запоем читал. В душе смятенно рождалось незнакомое ощущение времени, сочинительства.

Неустанно купался, нырял, любовался подводным миром. Спешил надыхаться бризом и солью.

Предвидя свой осенний призыв.

Увлёкся Буниним, впитывая чистоту языка.

Ночью, просыпаясь внезапно, при ударах шторма, выходил к берегу.

Ревело, грохотало. В темном небе летали жёлтые всполохи. Стонали чайки.

Ялтинский маяк терялся в сумраке. И лишь афалины чувствовали себя привольно на гребне высокой волны.

Безумный запах йода, невыразимой тоски летал над побережьем.

И навсегда запомнил девичий силуэт. Сломленный ветром. На блестящем от влаги парашюте. Одиноким. В легком плаще. С опущенным зонтом. Трогательный и зыбкий.

Из-за моря, его вечного шума, шороха волн, соленых брызг и раскаленного песка – вырос до облаков раскрытый том с чистыми шелестящими страницами, и жгучая потребность заполнить их с начала до конца быстролетящим почерком.

– Вот этот?

Хрустя песком, рассыпанным по дорожке, приближались четверо молодых людей.

Остановились в трёх шагах.

Заговорил черноволосый крепыш, пригладив висок.

– Ты, новый, оставь Машку!

– Машку не знаю. Не по адресу. Если ты о Марии, продолжай. А потом – я ничьих распоряжений не выполняю.

Он, не поднимаясь с лавки, рассматривал.

Черноволосый юлил глазами. Остальные ждали команды.

– Вот ты!

Указал на лидера.

– Отойдём, поговорим. По-мужски.

Ему то было известно – такие сильны стайей.

Крепыш растерялся. Оглянувшись на соратников, поддержки не нашел.

Линялая футболка, потертые джинсы.

На лице отразилась растерянность.

– Что же ты струсил?

– Кто? Я? Пошли!

Он точно знал, что сказать ему.

Опыт войны, сумасшествие внезапной смерти учит один раз.

Иного жизнь не предоставляет.

Повернули за декоративные кусты, постриженные в линейку.

Взяв крепко за локоть и развернув к себе.

– Информированы вы в ноль. Я вырос здесь, а вы недавние.

Слушай и запоминай! Марию тронете – убью. Тебя обнаружат первым. С поломанным верхним позвонком. Мучиться будешь недолго. А затем и дружков твоих. Я этому на войне обучался.

Провёл болевой прием.

– Ну, так что? Начнём?

Увидел жуткий страх в лице.
Обыскал.
Кастет. Нож.
Сложил в свой карман.
– Вам бы от скуки лягушек разводить!
Оттолкнул его, не испытывая жалости.
– Обходите меня по другой стороне улице.
Вышел на аллею и пошел прямо к школе, мимо ожидавшей троицы – расступились –
насмистывая услышанную когда – то мелодию.
С крыльца спускалась Мария.
– Ну, как?
Он улыбнулся.
Она вскинула руки, показывая раскрытые ладони.
– Молодчина! Поздравляю!
Заглядывая ему в глаза спросила.
– Что-то случилось?
– Небольшой конфликт. Уладили.
И взяв её руку.
– Я никому тебя не отдам, слышишь.
– Да, я знаю. Идем.
Остановившись у реки, швырнул далеко в воду нож с кастетом.
Не успев разглядеть их, спросила.
– Что это было.
– Ненужные вещи для жизни.
И долго, томительно целовались. В тишине, наполненной полетами стрекоз.
– А я нынче в институт поступать буду.
Поправляя волосы, и горячо дыша.
– Я с тобой поеду.
Обняв, вдыхал запах её волос.
На второй год, умирая при тяжелейших родах, она, на мгновения теряя сознание и возвращаясь в свет невыносимо-ярких ламп, звала его по имени.
Но врач, не сумевший спасти ребенка, прилагал все усилия для сохранения жизни молодой женщины.
Узнав слишком поздно, миновав бесконечный коридор и войдя в страшную, полуосвещенную комнату, где медсестра предупредительно откинула простынь, он увидел бледное, обескровленное лицо с потемневшими нижними веками.
С невыразимой болью на застывших губах...

*Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно*

Тот ничего не знает о войне.

Вне зависти

– Да вы не волнуйтесь, он будет с минуты на минуту.

Девушка секретарь, сверкая лаком на ногтях, складывала на столе стопку бумаг. Улыбнулась.

Шилов подошел к окну.

...осадки в виде дождя, ветер северо-западный, давление...

– донеслось из радиоприемника, стоявшего на отдельной тумбочке в углу приемной.

– Вы присаживайтесь.

Она указала на кожаный роскошный диван с высокой спинкой.

Поблагодарив, упрямо глядел вдаль, в надежде рассмотреть в пелене дождя что-то известное лишь ему.

– Давно здесь работаете?

Спросил Шилов, поправляя галстук.

– Три года. Антон Николаевич меня сам пригласил. Его жена с моей мамой дружат.

– Понятно. Можно воды? Пить хочется.

Наполнив чистый стакан из графина.

– Вы не подумайте, Антон Николаевич ко мне, как к дочери относится.

– Сколько ей лет?

– Ирине? 21. Мы с ней ровесники. Но она уже два года замужем. А я вот...

– И у вас всё сложится. У каждого своя минута в жизни. Одна. Только выбор необходимо сделать верный.

Порывом ветра распахнуло форточку, девушка бросилась запирать, поправила штору.

Напомнив ему, легкостью и стройностью ног, Алену. Тогдашнюю, в дни их молодости.

– Вот и Антон Николаевич приехал! Я же говорила, что он никогда не опаздывает.

– Узнает – ли?

Успел подумать Шилов, как дверь распахнулась, скорым шагом миновал приемную мужчину; не поднимая глаз, расстегивая плащ, шляпа, оставленный зонт возле двери.

– Полчаса никого не принимаю!

И захлопнул за собою.

«Вот так встреча. А может и не он. Не Антон. Хотя нет, слишком много совпадений».

Шилов опустился на диван.

Они познакомились в поезде, набитого загорелым народом, расслабленного крымским отдыхом, запахом фруктов, веселым разговором.

Вдвоем с Антоном, с рюкзаками за бронзовыми плечами, с панاماми на выгоревших головах ввалились в вагон, когда состав уже тронулся.

Три недели в сказочном Коктебеле остались за стуком колес, за исчезнувшим вокзалом Симферополя.

Отыскали купе, Шилов отворил – и сразу ярко;

темнеющий загаром локоть на столике, она смотрит в окно на провожающих, тяжёлый узел волос, схваченный замысловатой застежкой с блестящим перламутром пауком.

– Обернись!

Вопросил мысленно. И девушка мгновенно повернулась.

Правильные черты лица, припухлость губ, открытый взгляд серых глаз.

– Можно?

Получилось хором, с оттенками индивидуальности.

Она рассмеялась.

– Располагайтесь.

И назвалась.

– Алена.

Шилов назвал свое имя, хлопнул напарника по плечу.

– Это Антон, мой друг. Учимся вместе.

– И где, если не секрет.

– Тульский политехнический.

– Надо же! Это мой родной город.

– Землячка!

Радостно воскликнул Антон.

– А вот он – москвич.

Все это краткое время Шилов разглядывал девушку, и она, чувствуя внимание, несколько раз встречалась с ним глазами.

Вечером, стоя в вагонном проходе, глядя за черное стекло, в ожидании, когда попутчица уляжется спать.

– А девчонка – то класс!

Толкнул его в бок Антон.

Разбив у Шилова этим внезапным движением неуловимую мысль.

– Не разглядел. Впрочем, ничего особенного.

Неприятно кольнуло, нет, нет, не ревностью, более остро.

Тем, с какой легкостью дает оценку единственный друг – Алене.

До сердечного стука – понравившейся ему, Шилову.

Под утро, проснувшись от тишины, Шилов с высоты второй полки сразу увидел её спящей, наискосок, внизу.

Весь облик дышал утренней свежестью. Обнаженная рука, милое лицо в обрамлении спутанных волос. Полуоткрытый бутон губ, грудное дыхание.

Свесив голову, взглянул в окно. Состав стоял.

Старый провинциальный вокзал, березы и цветочная клумба разбавлены туманом. Неслышно прошли молодые женщины, повязанные платками, спеша. Железнодорожник, осматривая состав, с молотком на длинной ручке. Пронзительный крик паровоза, где – то далеко, далеко. И вновь упавшая тишина, та, что бывает лишь летом, посреди зарождающегося дня.

И он решился.

Придержавшись на руках, мягко спрыгнул на пол.

Склонился и поцеловал в щеку, ощутив изумительный девичий запах. Вернулся на свое место, и – столкнулся глазами с Аленой.

– Что, не спится?

Прошептала она, пряча руку под подушку.

Шилов, было, признался в своей бестактности, но она перебила, все также горячо шепча.

– Спит?

Указав взглядом на полку Антона.

– Да.

– А мне сон приснился. Хотите, расскажу?

– Расскажите, Алена.

– Будто я совсем маленькая. В лесу заблудилась. Темнеет, дождь начинается, холодно. Вот-вот заплачу. Вдруг свет вспыхнул за деревьями, костры, люди. От огня шагнул ко мне сильный, веселый человек с добрыми глазами. Подхватил меня на руки и домчал до дому. В щеку поцеловал. И исчез.

Почувствовав стыд, Шилов лишь сказал.

– Красивая сказка.

– И добрая.

Добавила она.

– Приезжайте ко мне в Москву, Алена. Тулу я уже знаю, а вам свой город покажу. У меня родители на даче, так что квартира в нашем распоряжении.

И набрав воздуха, выдохнул.

– Вы мне очень понравились, правда.

– Я подумаю.

Она, улыбнувшись, шутливо скомандовала.

– А сейчас спать!

Расставание было сумбурным. Что – то мешало, присутствие Антона, недоговоренность, как бывает в таких случаях.

Шилов видел, запоминал её всю; легкую кофточку, короткую юбку, туфли на загорелых ногах, озябшие ладони.

Внезапно, открывшись, протянула листок бумаги.

– Мой адрес и телефон. Звоните. Я буду ждать.

– В обиду не дадим!

Совсем не к месту сказал Антон.

Она промолчала, глядя на Шилова, который от благодарности не находил слов и лишь улыбался.

– Мама!

Звонко крикнула Алена. К ним приближались родители девушки.

– До свидания!

– До свидания, Алена!

– Бывай, старина!

Обнялись с другом.

– Бывай!

Оставшись один на тульском перроне, со сжавшимся сердцем, что бывает во время потери неизмеримо очень дорогого.

И неизвестно, отыщется ли вновь.

До Москвы ехал в одиночестве. Сидя там, где она спала.

Дома сразу же заказал межгород.

– Да, Тула! По номеру! Пчелинцева Алена!

– Ожидайте.

Произнес равнодушный голос.

И чуть позже.

– Тула. Говорите!

Раздались гудки. Слабый щелчок.

– Да, я вас слушаю.

– Алена! Здравствуйте!

– Кто это? Простите.

– Всеволод из Москвы! Не узнали?

– Ах, это вы! Я так рада!

– Алена, приезжайте, прошу вас, еще есть время до занятий, почти две недели!

Только дайте телеграмму, чтобы я встретил, либо позвоните!

Шилов продиктовал домашний телефон.

– Не обещаю, но очень постараюсь. Просто очень много дел.

– Я буду ждать, Алена.

– До свидания.

Перезвонила через два дня.

– Извини, я не смогу никак приехать. Мама – против.

– Алена, милая, я все понимаю. Скоро буду в Туле.

Невероятно скучаю по тебе.

– Взаимно. Буду ждать.

Во время учебы проживал у Антона, в огромной квартире его родителей. Отдельная комната с окном в парк.

Последний курс института отнимал много времени, но, тем не менее, нашел паузу и набрал её номер.

– Здравствуй, необходимо встретиться. Сможешь?

– Да. Завтра в семь вечера у моего дома, в сквере.

– До встречи.

Долго бродили по аллеям, украшенным поздней осенью.

На ней было светлое пальто, подчеркивающее элегантность фигуры.

– Весной отбываю на Таймыр, с экспедицией, хочу закончить там свою диссертацию по геотектонике.

– Надолго?

– Месяца три, как минимум.

– Ты знаешь, твой друг...

– Что?

– Он знает мой телефон, неизвестно почему, часто звонит, ведет долгие разговоры с мамой, требует к аппарату меня, но я не подхожу. Что это?

Шилов был изумлен.

– Что же ты не сказала об этом раньше?

– Я думала, что это чудовищный розыгрыш. И бессильна изменить ситуацию.

Ты, правда, ни при чем?

– Я? Как раз при чем. Ты необходима мне, понимаешь? Все мысли в свободную минуту обращены к одной, тебе, Алена!

Взял её ладони.

– Я люблю тебя. Люблю.

И начал целовать глаза, губы.

Короткие зимние встречи, снежные вечера сблизили настолько, что они, ища уединения, словно неприкаянные бродили по улицам, дворам, целовались в подъездах, мучаясь неразрешимостью любви.

В какие – то минуты, вздрагивая в его объятьях, обмирая, шептала.

– Довольно, проводи меня домой.

Провожала на вокзале. Весенний ветер волновал её юбку, волосы, и он целовал, вбирая и аромат, и вкус, смешанные со щемящим чувством расставания.

Увидев шагающего Антона, припала к груди Шилова.

– Возвращайся скорей, пожалуйста.

И пошла быстрым шагом прочь.

Из экспедиции написал два длинных письма, она отвечала.

Затем наступил напряженный период в работе, необходимые замеры, расчёты, работа над диссертацией захватила Шилова целиком.

Помощь ему оказывала юная практикантка Ксения. Приносила из библиотеки необходимые материалы, переписывала страницы, редактировала, проверяла выкладки и результаты экспедиции. Лишь в середине июня, когда Антон засобирился домой, Шилов понял, что не успевает завершить работы. Поэтому папку с черновиками и готовую диссертацию вручил другу. Для передачи в институт.

Что это было? Затмение?

Диплом, конечно, защитил, даже с блеском. А диссертация пропала. Впрочем, и необходимые черновики.

– С перелетом этим, с пересадками, ты же знаешь!

Оправдывался Антон.

Он еще не догадывался о главном.

Телефон её не отвечал.

Июльским вечером долго ожидал возле знакомого дома.

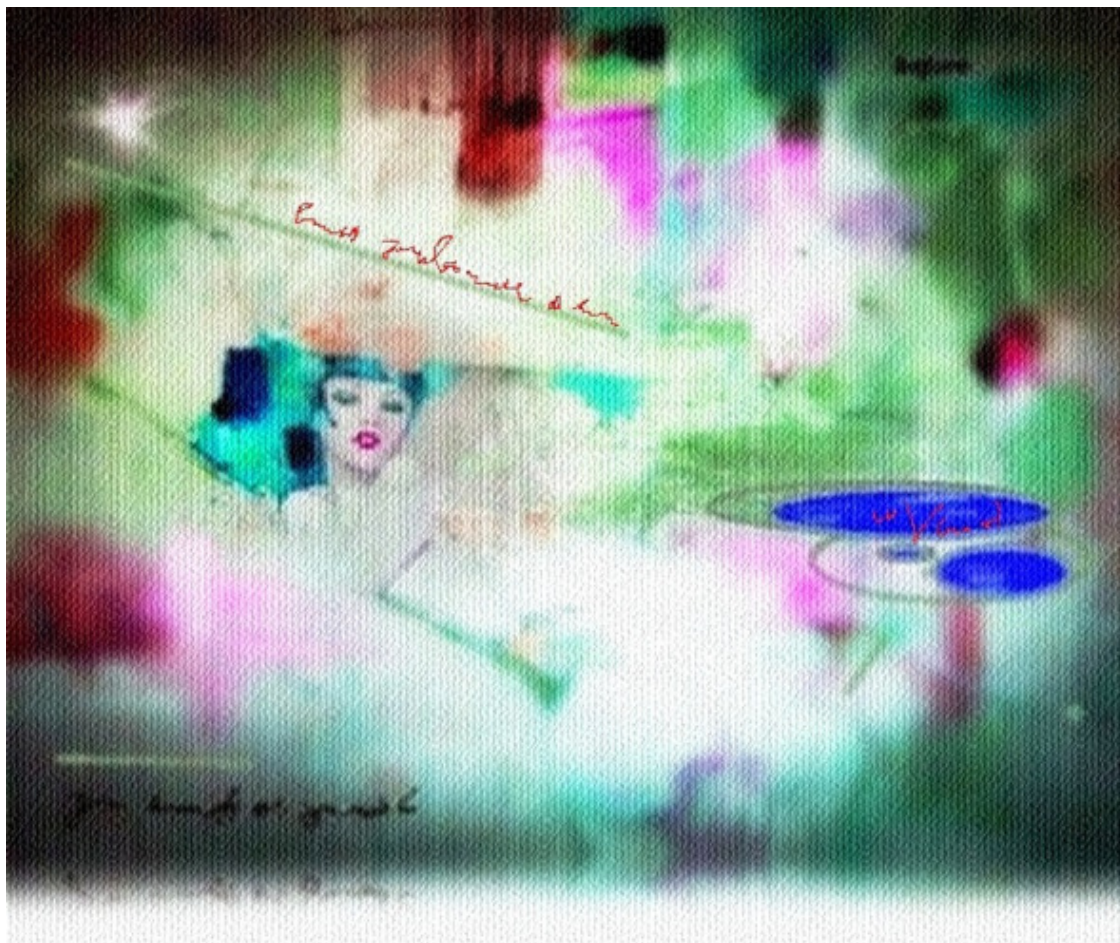
– Алена!

Вздрыгнула, остановилась. Ждала, когда подойдет.

– Алена, здравствуй! Что происходит?
– Ты зачем пришел? Мне все рассказали.
– О чем?
– Об экспедиции, о том, как ты путался с этой практиканткой Ксенией. Дни ночи проводя вдвоем, якобы за работой.
– Кто тебе мог такое...
И Шилов осекся на полуслове. Внезапно всё встало на свои места.
Просто и ясно.
– Прости!
Резко развернулся и побежал к ближайшей автобусной остановке.
Через полгода, будучи в Чуйской долине, встретив сокурсника, узнал, что Антон провёл защиту диссертации, именно той темы, разрабатываемой Шиловым, после чего состоялась свадьба. Обжигающая новость выбила из колеи.
И не стал даже расспрашивать, кто была невестой.
Прошла еще одна жизнь. Шилов сумел добиться своего в геологии и в жизни. Дочь работает в крупной нефтяной компании, сын в Праге, занят медиа-бизнесом.
Жена – врач, практикуется в частной клинике.
Привыкший к размеренности, однажды утром, за завтраком, раскрыв журнал, прочел воспоминания выпускника Тульского политеха за 1970 годы.
Пробежав строки, наполненные бездарностью и пафосом, обратил внимание на автора.
– Ола ла! Антон Колесников!
Тут же, его должность в солидной компании.
И Шилов собрался в дорогу.
Стремительно поднялся с дивана. Подошел к столу.
Глядя на снующие пальцы печатающей секретарши.
– Скажите, как зовут жену Антона Николаевича?
И она, растерявшись от неожиданного вопроса, удивленно вскинув брови.
– Эльза. Они месяц назад жемчужную свадьбу отметили.

Таймыр, жестокие морозы, энтузиазм. Поиски истины.

Звезда над морем

Мастерская Ирины Овсянниковой

Стукнула дверь. Она протянула руку на прощанье. Пылко перецеловав все пальцы, шагнул в темноту.

Был поздний час. Он вышел в сад. Под ногами хрустели промёрзшие листья, в синих ледяных небесах – ярко сверкали звёзды, величиной с яблоко. Дышалось свободно, легко. Лишь терзала смутная грусть расставания. С ароматом её плеч, ладоней, чувственных губ. Так и нёс воспоминания с собою, пройдя шаткий мост над ручьем, стожки на заиндевевшем поле. В дальних огнях поместья расцветал гулкий лай собак.

Напился, зачерпнув пригоршню ключевой воды у родника. Звенящая высь. Луна круглолика и страшна.

И так здорово жить. Когда есть возлюбленная.

Тот первый день. Возле церкви. В колокольном гуле, среди криков нищих на паперти, апрельского безумия, сорочьего грохота над куполами и на ветвях проснувшихся деревьев. Когда просверк солнца ложится внутрь храма, льются колокола серебром, бронзой, тяжелым чугунным боем. Да так, что душа падает вслед. Или летит среди легких облаков над зелёной зарею простуженных садов.

И – она! Воздушное создание, заключённое в сиренево-хрустящее платье, перехваченное золотистым поясом. Крупные серьги. Огромные глаза. Нежный румянец. Опущенные ресницы. След башмачков, по которым он шёл, стараясь не сбиться.

– Вы преследуете меня?

– Да! Именно вас! Простите! Но ваш силуэт...

Не дослушала. Пропала во мгле ладана и мерцания свечей. Стремительно перекрестившись трижды.

– Барин! Подайте копейку!

Ражий мужик в косоворотке, с грязным шарфом на шее, униженно припав на колени.

Бросил медную монету, содрогаясь поправил шляпу, ушёл, дымя пахучей папирсой.

– Ты её в бане посмотри! Королевишна. С иконы писана!

Нянька, добрая Пелагея, стелит постель, поправляет подушку.

– Что-же ты не поужинаешь?

– Спасибо. Выспаться хочу, нянюшка.

– Такая девушка, не для каждого! Я и мать её знала. Бойкая дама. С мужем содержала кабак при дороге, затем супруга отравила, заведение продала, открыла трактир в городе. Сейчас остепенилась. С городской головой в дружбе. Там огромные деньги крутятся.

А дочка не в неё. Скромница известная. Всего стыдится. И слова бранного и глаз неспокойных.

– Няня, няня. Зачем все мне это? Она, правда, очень красивая!

И заснул, дыша тем вечерним ясным холодом, когда уходил, минуя двор, сквозь запах лошадей, свежераспиленных дров и тонкого аромата ночного леса, векового, дремучего, с ужасным криком филина в ближнем логоу.

Глаша – шепнули звезды и оставили имя – медом на губах.

Ночь. Стылость. Бездна. Сон. Глаша.

А утро совершенно ослепило. Пороша. Девственным покрывалом упала за ночь зима. Звонко чирикали воробьи, прыгая по санному следу. Искрились и переливались поля. Небесная синева. Яркое солнце.

Войдя в столовую, увидел; топится печь, и истопник с грохотом свалил березовые чурки, внеся за собой зимнюю свежесть, хлынувшую над полом дымящейся рекой. Отец, допивая чай, просматривал газету, доставленную вчера.

– Извини, не дождался тебя. Завтракай в одиночестве.

Отложил не дочитав. Закурил.

– Сегодня ровно пятнадцать, как я овдовел. Поедем в церковь.

Произнес ровно, без упора на слова.

Поправил волосы у виска. Вызвал слугу. Тот вошёл, сутуло приклонившись к косяку дверей; в армяке, перепоясанный кушаком, с овчинной шапкой в руке.

– Иван! Запряги Воронка в коляску. Сами поедем.

После церкви, жаркого потрескивания свечей, Воронок бодро понёс к кладбищу. Из – под копыт летели острые комья снега. На черных конских боках и спине мерцал иней. Конь, всхрапывая, крутил гривой, было что-то сказочное в этом беге от жилых домов и улиц с таинственной и кипучей жизнью к последнему приюту, ожидаемому всех, неведомому, дикому и мрачному, словно древние языческие песни.

После долгого молчания (каждый проживал своё) промолвил.

– Одну её и любил только.

Безошибочно найдя, очистил ладонью налепившийся снег с мраморной плиты.

Положил букет хризантем, поцеловав маленький овальный портрет.

– Ты не поверишь, я её впервые на пароходе увидел. В Саратове.

Мы от тетушки возвращались с родителями. Сколько мне было тогда? Ах, да! Столько же, как тебе сейчас. Помню очень жаркий день.

Матросы моют палубу, хлещут воду из ведер, трут щетками, весело переговариваясь, работают как черти. Белые штаны закатаны до колен, плечи бронзовые от загара, крепкие руки.

Зычные команды боцмана, прохаживающегося вдоль борта. На широкой груди его горит и блещет свисток на витом мягком шнуре. Широкие усы скручены кончиками вверх. Лицо плоское, медного цвета, – сущий монгол.

Скольжение крыльев и криков чаек сверху вниз над Волгой. Над простором воды огненный солнечный свет. Рябится, вспыхивает – до боли в глазах.

Вдруг – крики на пристани. Побежали носильщики. Поплыли огромные саквояжи вверх по трапу. Затем дородный господин, промакивающий лоб носовым платком, с толстой лакированной тростью в руке. Моложавая, опрятно одетая дама, с зонтиком. И наконец – она!

Холстинковое платье. Талия перехвачена пояском. Шляпкой прикрывается от июльского блеска. Вся в движении, в волнении предстоящего путешествия. Дивный профиль и локон, ниспадающий вниз, знаешь, такой завитой, славный, до начала выпуклости нежной груди. Чёрные косы, черно-угольный блеск зрачков.

Один взгляд – и на всю оставшуюся жизнь.

Вот так, сын. Ты уже взрослый, поймёшь.

– Как ни кто не сможет понять. Я тоже влюблён, папа.

Они долго стояли плечом к плечу, пока надпись «Мария...» не покрыли снежинки с потемневшего неба. Потянул слабый промозглый ветер, принесся запах хвои и надвигающейся зимы.

– Холодно. Поедем.

Дома ждали горячие наваристые щи, расстегаи, ароматный чай с его любимым смородиновым вареньем. В отражении самовара лоснился графин с водкой, хрустальные рюмки. Розовый балык на раскрытом блюде.

Но самое главное – письмо от Глаши. Что передала ему Пелагея, когда он, расстегнув и скинув шубу, расправив плечи, оглядывал себя в зеркало прихожей.

Думая о том, что именно это огромное зеркало в бронзовой тяжёлой раме было подарено юной жене – его матери, в тот далёкий день свадьбы.

Будто жаром ударило, увидев почерк на розовом конверте.

– К столу! К столу!

Призывал из столовой голос отца.

Разорвал конверт, утонул глазами. Омут нежности, откуда нет сил выбираться.

«Милый, единственный и близкий мне... Жду вечером, как стемнеет».

За обедом, с аппетитом и завидной молодой жадностью ел. Глаза светились тем счастьем, что бывает только в двадцать лет.

Да не у каждого случается.

В назначенный час поднимался от реки к дальнему углу сада, помня заветную строку письма, . *«...калитка будет не заперта, ожидай в беседке»*

Густо и неустанно валил пушистый снег, и он, с великим трудом пробравшись по крутому уступу, отыскал, растворил, и пошел через заснеженный сад, глядя на праздничные ветви яблонь. На темный небосвод на западе, над крышей её дома. На светящееся окно – откуда, как показалось, выглянула она, слегка отодвинув штору. Было так тихо, что остановившись на минуту, долго слушал шорох снежинок и нетерпеливый сердечный стук в груди.

Беседка была пуста. За цветными стеклами сумрачно, покойно, и прямо пахло в лицо осенним листом и увядшими цветами. Отряхнув снег снятой перчаткой, закурил, пытаюсь успокоить себя, но предвкушение свидания не отпускало.

Пройдя от двери к окну, замер, следя, как за синими и зелеными стёклами исчезали и появлялись колючие тени снежинок, ведя свою таинственную непостижимую игру.

Забывшись, не услышав приближающихся шагов, обернулся на звук скрипнувшей двери; изумившись её горячечному взору, порывистости; шубка, сбившийся платок, пунцовые щеки

и учащённое дыхание от бега, снега и холода. Они томительно и долго целовались, боясь потерять счастливое, мучительное мгновение долгожданной встречи.

Не сдерживаясь, целуя обнажившуюся грудь, шею, чувствуя девичьи горячие руки, обхватившие его голову, услышал шёпот.

– Нет, нет, милый, не здесь. Пойдём, я сегодня одна в доме. Идём.

Набросив платок, отдышавшись, протянула ему руку и повела, навсегда поразив его внезапной решительностью, через снегопад, по бесконечно-дымной аллее, через гулкий стук в висках от безумного желания.

А на заре, чуть дрогнула слабая синева в окне её светлицы, проснулся. В первом движении после короткого сна, почувствовав тяжелую нежность женского бедра на своей ноге, разом охватив все тело, начал целовать губы, глаза, груди, ладони, разбудив – и оба испытали ту невыразимую утреннюю близость, от которой остается сладкое, легкое головокружение до последнего дня жизни.

Когда уже нет ничего существенного, кроме собственного дыхания и смутного воспоминания любви.

А дома ждала неприятность. Власть в Петрограде перешла к большевикам. «Эти и Бога отвернут от России» – промолвил отец – «Поезжай». Это значило, что необходимо возвращаться в Москву, в свой особняк на Арбате, там хранилась богатая библиотека, собранная старанием трёх поколений, а также требовалось завершить отношения с университетом, где его ожидал диплом.

С Глашей он прощался стоя на перроне, возле вагона, укрывая собой от стылого сквозняка. Не отводя глаз, согревая ей озябшие ладони, целовал побледневшее лицо.

С ударом третьего колокола, вскочив на подножку и обернувшись, увидел хрупкую руку в черной перчатке с тонким белым конвертом.

– Господи! Чуть не забыла! Это тебе! И возвращайся!

Поезд тронулся, долго шла рядом, на глазах дрожали слёзы, а ему не хотелось отпускать её отзывчивых пальцев. Затем она начала отставать, поезд набирал ход, понесло куда-то вбок, кренясь в нарастающем стуке колёс и порывах ветра.

Над вокзалом косо и неопрятно полетели клубы дыма. Спohватившись, набрав воздуха, он собирался крикнуть на прощание о чем-то очень и очень важном, но тут дико и жутко взревел паровоз, и всё пропало, смешалось в ночи.

За окном летел сумрачный лес, в вагонном отделении, в тепле, присев и расстегнув пальто, с замирающим сердцем, он раз за разом перечитывал.

«». Я не знаю, сколько пройдёт, сто или двести лет, чтобы снова встретить тебя, но единственно, что могу сказать с полной уверенностью, я буду ждать. Однажды в детстве я загадала, глядя на одинокую звезду над морем. Теперь – ты моя звезда. Милый, далёкий и манящий. Глаша. 1917. 29 ноября

Холодели ладони, и хотелось плакать от свалившегося горя и внезапной потери. Окликнув проводника, заказал чаю, а сам прошёл в тамбур, выкурив папиросу с горьким привкусом разлуки. За мутным стеклом – умирили и слепли в ночи паровозные искры.

По прошествии трёх лет, скатившись с армией Врангеля на самый юг России, потеряв за это время отца, осунувшийся от долгих и кровопролитных боёв, с трёхдневной щетиной, в офицерской лёгкой шинели, он стоял на борту английского судна, покидающего Севастополь.

Лицо, потемневшее от солнца, многочисленных испытаний, выглядело молодо, когда б ни шрам на левой щеке. Горячо блестели глаза, от бессонницы, от морской свежести и тугого встречного ветра, от дымящейся папиросы.

На следующий день, в открытом море, поднимаясь на верхнюю палубу, взглянул на женщин, расположившихся для отдыха под трапом. Чемоданы и узлы стояли между ними, кто-то

спал. Разувшись, с босыми маленькими ступнями, сидела девушка, вытянув ноги, обнажённые до колен.

Что-то дрогнуло в самой глубине души. Еще не понимая причины беспокойства, остановился на верхней ступеньке, обернулся.

Снизу, через перила, глядели до боли знакомые глаза.

– Глаша!

И она, восторженувшись, еще не узнавая его, бросилась навстречу, с той известной только ему, торопливостью.

Ивану Бунину

... поднялся на противоположную гору к женскому монастырю, – он так и сиял против солнца меловой белизной своих стен, а из калитки его ворот выходила молоденькая монашка в грубых башмаках, в грубых черных одеждах, но такой тонкой, чистой, древне-русской иконописной красоты, что я, пораженный, даже остановился.

И. Бунин. Жизнь Арсеньева.

Обворожительная зима

Ей чуть за тридцать. Но об этом знает она, да летящие навстречу снежинки. Трогательный силуэт, свежесть лица, изящность и лёгкость походки.

Взглянув, не определишь ни возраста, ни семейного статуса. Тонуть в глазах – ничего не сказать. Бездонность.

Из тех, что заставляет обернуться при утренней спешке, отыскивая её взглядом в толпе.

История, словно начатая акварель, со слабыми красками и размытая временем, известна лишь близким подругам, немногим сотрудникам по работе.

«Слава Богу, ни сочувствия, ни дружеской снисходительности».

Нейтральность диалогов; городские новости, косметика, модные сапоги для наступившей стужи. *«Как они могут так много курить»?*

«» – присутствие какой-то лёгкой тревоги, с ощущением холода и бесприютности. На третий день цветения сакуры, в воздухе цвета персика, над ледяной вершиной горы

Мысли путаются.

– Тебя к телефону!

Беспокойный был сон, стремительный, почти не запомнившийся. Чёрные ветви за стёлом стеклом.

Хочется горячего чаю.

В высоком светлом здании, по ночам, из-за освещения, напоминающего средневековый замок, одна такая. Остальных забирают мужья, подкатывая к парадному на автомобилях к концу рабочего дня. Бип – бип! Закрывающиеся двери, взмах руки, хруст снега под колёсами.

Отрицая торопливость, плавно ступая по лестнице, поворачивает к универсаму. Кефир, галеты, фрукты. Медленно идя по людной улице, задерживается возле строящегося храма, откуда видна излуцина реки, дальний берег, низкое солнце. Сверкающий лёд, заснеженность, белая пелена.

«Что? Вы ошиблись, я не Светлана».

Мягко улыбнувшись, уходит, уходит в сумерки, в свет фонарей, растворяется в сверкающей замяти. Чуть зябко. От холодных огромных окон, от уличного сквозняка. От одиночества. Знакомые, близкие уголки. Тёмные, с искрами отсвета рекламы. Пульсация времени, разбавленная непонятной грустью. Впрочем. «». *Боже, завтра и послезавтра – выходные*

Просыпаться, разметавшись на смятой за ночь постели, варить кофе. Стоя у окна, в короткой рубашке и босиком, смотреть вдаль, над крышами, в неведомый простор, до горизонта, словно ища невидимую звезду за недоступной чертой. За белоснежным дивным полом, упавшим так рано в этом году.

«Странно. Он опять снился мне. Зачем? Уже пять лет, или шесть? Как летит время. Так пять или шесть? Кажется телефон».

– Мариша, приезжай к 14 часам, будут все наши, шашлыки готовим!

– Оленька, здравствуй. Не смогу, извини, надо закончить перевод, к понедельнику пообещала.

«Уехать в бор, бродить среди сугробов и провисших под тяжестью заснеженных сосновых лап, по узкой тропке. Посидеть за столом на открытой веранде просторного дома, дыша лесным холодом, дымком мангала, слабым мясным ароматом. Наблюдать за мужской частью компании, вспоминая свой двадцатиминутный болезненный роман».

– Не обижайся. Правда, не могу. Зима, зима. «». *Все-таки шесть*

Над стадионом витала музыка. В лучах прожекторов, в самом углу ледовой площадки – она упала. Не успев сообразить о причине падения, почувствовала крепкие руки. Через мгновение эти руки усадили её на скамью.

– Не ушиблись?

– Колено!

Он быстро пробежал сильными пальцами по ноге, ощупал голень.

Внезапно зашло сердце от волнения. Но сопротивляться не хотелось. Замерла.

– Порядок! Заживёт. Но на коньках недели две – не кататься!

– Вы доктор?

– Что вы! Пока еще студент. Давайте провожу.

– У меня обувь в раздевалке. Вот номерок. Если вам не трудно.

Заглянул прямо в глаза. Улыбнулся.

– Вы очень красивая сейчас.

И стряхнул снежинки с её шапочки.

Она только набрала воздуха, чтобы ответить, а его уже не было. Вернулся с сапожками, прижатыми к груди. Помог переобуться. После коньков ноги обрели привычную устойчивость.

– Спасибо вам.

Он, не отпуская её локоть, шёл рядом. До самого подъезда.

«Ничего не помню. Только его мягкий, очень яркий шарф, баритон, внимательные глаза, незнакомый пряный аромат».

Сколько не пыталась, обходя отделы мужского парфюма не нашла аналогов. Но это позже. А сейчас.

– Можно, я позвоню завтра?

Она продиктовала свой номер телефона. Расстались.

Звонок раздался на заре. Разбудив, спросил о самочувствии. Спросонья замешкалась, голос дрожал, перед глазами за заиндевшим окном кружился буран, сердце взлетало и падало вслед за вихрями снега – и вдруг ясно увидела его, бегущего навстречу с сапожками, прижатыми к груди.

Внезапное мгновение счастья, от которого даже трудно дышать.

Вставить не хотелось, согреваясь неожиданным вниманием, свернулась калачиком, подбив по себя подушку, уснула.

И тут же полёт к нему. Аллея, еле видимые дымные дали, заметённые беседки. Скамьи под пушистым нетронутым саваном. И ладони схватывает морозом. Сорвав с себя шарф, кутая её руки, дышит на пальцы. Совсем рядом стрекочут сороки.

Громче. Яростней. И она проснулась.

Совершенно забыв, что сказала в ответ.

Больше не звонил. Трижды, в течение дня, набирала его номер. Гудки. Напоминавшие долгие вскрики пароходов на реке – из детства. *«Где – же ты»?*

Откуда ей было знать, что в тот же день, он летел в Москву, которую не знал, никогда не понимал, не любил. Сошёл с самолета в Домодедово. Добрался до метро. Думая о ней, вспоминая утренний продрогший голос.

Привычно спустившись по эскалатору, домчался до Парка культуры, где исчез навсегда от взрыва неменяемой смертницы – террористки.

Как там в переводе? На третий день цветения сакуры, в розовом свечении прозрачного воздуха... Что-то не так. Не завершённая картина. Надо подумать.

И накинуть шаль на плечи. Зимний день короток.

Милана

Всего один лишь вечер, да даже малая часть его, прозвучавшая томительной нотой.

Когда солнце, бессильно барахтаясь в море, цепляясь лучами за тонкие облака, погружается в лазурную пучину.

Когда листья платанов перешептываются под дуновением ласкового бриза, а в тени кипарисов вспыхивают загадочные белые звезды, приглашая откликнуться еще бледных, но уже различимых на небосклоне своих двойников.

Мгновение спустя золотой луч рассекает лоно залива пополам – блеск печальной луны. Морской запах перемешивается с цветочным.

Скольжение хрупкой красивой руки по каменным перилам крутого и долгого мраморного спуска, летящий по ступеням подол вечернего платья – улетающий, тающий аромат, под перестук каблучков. На повороте лестницы – стремительный поворот головы. Волосы еще в полете, а глаза – замерли, поразив меня персидской красотой.

Ей 24. Она из Антиба. Но уже успела побывать замужем и прожить пять лет в Париже. Легка и порывиста. Невероятно чистоплотна и ценит минимум косметики. Во время нашего первого танца долго смотрела мне в глаза, взглянув потом на жену, спросила.

– Вы давно вместе?

– Да.

– Я бы хотела такой жизни.

Я вздрогнул, все одиночество мира глядело на меня глазами Миланы.

После танца, распахнув стеклянную дверь, вышел на балкон, в звенящую и восхитительно-черную ночь. Легкое дуновение с моря и быстрый шепот за спиной.

– Можно, я постою с вами?

Взяв ее ладонь, почувствовал горячее сплетение пальцев.

Высокий, смуглый, он поразил ее в первый день своего приезда в Антиб. Ранним утром возле отеля притормозил автомобиль – такси из Ниццы – доставивший из аэропорта пожилую пару. Стройного поджарого мужчину военной выправки, и совсем невероятно легкую, гибкую женщину, восточной, совершенно дикой волнующей красоты.

Юноша уже вынимал чемоданы из багажника, властно отстранив водителя рукой от прописанных ему обязанностей. На нем были светлые брюки, такого же цвета летние туфли и белая сорочка, расстегнутая на половину от горла и открывшую крепкую грудь.

Они сняли два номера, родители на первом этаже, а для повзрослевшего сына – на втором. Небольшую угловую комнату с видом на далекие Альпы. Милана, сидя за стойкой, оформляя оплату за проживание, видела его блеснувшие горячей чернотой глаза, когда отец вручил ему ключ, строго наказав при этом не опаздывать к завтраку.

Стоял август, Милане исполнилось 18, Мишель был на год старше. Он тут же вернулся, протянул ей руку, назвав себя. И она почувствовала мгновенный озноб. А когда они втроем пошли на завтрак в залитую солнцем столовую, он, найдя глазами ее глаза, ослепительно улыбнулся. Смутившись, дрогнувшим голосом, Милана, сославшись на головокружение, отпросилась у своего отца – хозяина отеля, сходить к морю.

Погулять на свежем воздухе, быть может искупаться.

Вода успокаивала жарко бившееся сердце, причина беспокойства была где-то рядом, и пока она пыталась избавиться от нахлынувшего, в спину ударил его звонкий голос – Милана! Она обернулась.

Налетев вихрем, заговорил, растормошил, околдовал, и она уже не могла сопротивляться его глазам, обаянию, точеным сухим рукам. Увидев за его спиной идущих на пляж людей – вспыхнула, освободила свои ладони от нервных долгих пальцев Мишеля и кинулась прочь.

Напрямик, вверх по узкой тропинке, промельком загорелых ног, испуганной вздрагивающей козочкой, пряча загоревшиеся щеки.

– Что случилось, доченька! Вся запыхалась!

– Нет, нет папа, все хорошо! Я приму душ и вернусь!

– Поспеш! Потом позавтракаем вместе!

И ей стало так уютно и спокойно, мыслями возвратившись туда, на берег, к его прикосновениям – она залилась счастливым смехом и убежала к себе.

Ощущение солнечного невесомого счастья не покидало ее и тогда, когда после возражений отца, уговоров родителей Мишеля, после долгих и основательных бесед двух старших мужчин – она уехала в Париж. С женихом.

Потом месяц, проведенный в Марокко и Алжире, у родственников матери Мишеля.

В раскаленной африканской неизвестности, под обжигающей синевой неба, блуждая в финикийских и византийских развалинах на побережье, вкусив щедрость и роскошь самобытного гостеприимства, носимая на руках возлюбленного и на волнах нескончаемого радостного тепла, задыхаясь от его поцелуев – они вернулись в купленную для них квартиру на улице Жофруа в Латинском квартале.

В Париже уже стояла осень, солнечная и тихая. Степень бакалавра позволила ей устроиться на работу в окружной департамент полиции. Статистика ночных правонарушений, компьютер и ворох документов.

Выручал Мишель, приезжая за ней на машине, забирая после работы, привозил домой, отправлял в душ и готовил ужин. Его энергия восхищала, только она знала, да еще его родители, чем он занимается. Подразделение DST строго регламентировано и не афишируется.

Бесконечные тренировки и поездки по стране не утомляли его, и Милана не помнит дня его возвращения без букета цветов.

Как то вечером, в самый разгар парижской чудесной весны.

– Я сейчас вспомнила африканское побережье. Мне казалось, что за морем я видела маяк Антиба.

– Не может быть. Это же очень далеко!

– А мне хочется верить, что я видела, пусть даже мне все это показалось!

– Влюбленные видят даже то, что не видят другие.

Они шли по Латинскому кварталу, рука в руке.

– Не хочешь поговорить с нами?

– В чем дело, ребята?!

Из затемненной стороны дома шагнули трое, судя по внешности и речи – арабы.

– Ты можешь идти, а девушка пусть останется!

И тогда Мишель быстро ответил на арабском. Они замерли, быстро переглянулись и двинулись навстречу. Мишель, левой рукой прижав Милану к стене, быстро сделал три шага вперед. Она закричала. Или только хотела закричать, зажав ладонью рот. Он успел уложить двоих, но третий, пригнувшись, по-лиси, сделал стремительный выпад в его в спину, справа, повыше пояса.

Мишель еще успел развернуться, вывернуть ему руку и ударить локтем в висок. Упали они разом, и сверкающее лезвие ножа зазвенело по мостовой. И тогда Милана услышала свой голос. Она еще сумела найти силы вызвать полицию и позвонить в скорую медицинскую помощь.

И уже в машине, находясь рядом с ним, припала к его груди.

– Мишель! Что ты сказал им? Не оставляй меня! Ты слышишь?

Врач аккуратно приподнял ее и сделал укол, после чего она горько заплакала.

В госпитале, в залитых ярким светом коридорах, словно спасительное пробуждение от сна, проступили лица родителей Мишеля. И она не знала, куда спрятать дрожащие руки.

Стылое ожидание результатов операции. Сверкающие плитки кафеля, зеленые и желтые. Мертвая тишина.

Молодой, с семью висками, хирург. Испарина на лбу.

– Будем надеяться на лучшее.

Она напросилась в палату, куда доставили его из операционной. Замерла, присев рядом.

С другой стороны кровати – медсестра. Переплетение проводов, прозрачных трубок, монитор, холодное перемигивание светодиодов. Рассветало.

За минуту до ухода в другой мир он открыл глаза и четко произнес.

– Я сказал, что не отдам тебя никому!

И она потеряла сознание.

В мире для нее два места – Париж и североафриканское побережье, куда не хочется возвращаться. Какие уж тут слова утешения? Я держу ее ладони, и мы оба неотрывно смотрим на дальний маяк, тот самый, что она так хотела увидеть с противоположного берега Средиземного моря.

И я верю в это! Именно любовь позволяет заглянуть за дымку заманчивых горизонтов.

Хотя бы раз в жизни.

Тамила

Такой я увидел её в наше первое утро. На берегу озера. Сидящую на деревянном настиле. С подвернутым подолом, босая.

Туфли, крепко обнявшись между собой, лежали рядом, подчёркивая отдельность бытия. Она даже не обернулась на звук моих шагов и щелчок фотоаппарата.

– Очарованы тишиной?

Произнёс, чтобы увидеть её лицо, в надежде, что незнакомка повернется для ответа.

– Не тишиной.

Ответила чуть слышно. И добавила тут же, поправив шляпку.

– Одиночеством.

– Одиночество, иногда, лучшее средство.

– Спасибо. Вы тоже испытывали такое?

Обернулась. Влажные глаза. Тень от шляпы на смуглых щеках.

Чистые пальцы перебирали мягкость долгого свитера. Оглаживали колени.

Она смутилась, и я отвёл взгляд.

– А я вас где-то видела.

– Это исключено. Я приехал недавно, из России.

– Вчера?

– Ну что вы. Уже полгода.

– А я полгода без любви. Что может быть ужасней?

Княжна Ольга

В 1844 году во время приезда в Англию император Николай Павлович встретил и узнал в числе прикомандированных к нему лиц одного из старейших пажей королевы Виктории, Кинерда, который прислуживал ему еще во время первого посещения Николаем Павловичем Великобритании в 1817 году, то есть 27 годами ранее.

Когда император удалился вечером, в 11 часов, в свои комнаты, он снова увидел там Кинерда и вступил с ним в разговор.

– Много лет прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз, – сказал Николай Павлович. – Был я тогда молод, и мы весело проводили с вами время. Теперь я император и дедушка. Вы думаете, что я счастливый человек потому, что я «великая особа». Да, я счастлив, но не потому, почему вы думаете, и покажу вам сейчас, в чем заключается мое счастье.

И Николай Павлович открыл шкатулку и достал из нее миниатюрные портреты императрицы и великих княжон.

– Вот, – сказал он, – источник моего счастья: жена и дети. Может быть, мне и не следовало бы этого говорить, но в Петербурге нет красивее девушки, чем моя дочь Ольга.

Ольга Николаевна родилась в Аничковом дворце 11 сентября 1822 года и была третьим ребенком и второй дочерью в семье императора Николая Первого и Александры Фёдоровны.

Как и все дети императорской семьи, Ольга до пяти лет находилась под присмотром няни Марии Васильевны Кайсовской. Затем её первой гувернанткой стала Шарлотта Дункер, которую в 1836 году сменила Анна Алексеевна Окулова. Основными предметами обучения великой княжны были арифметика, всеобщая и отечественная история, физика. Также её обучали языкам – французскому, немецкому и английскому. Одним из наставников был поэт Василий Жуковский, с которым великая княжна, уже покинув родной дом и переехав в Германию, до конца его дней состояла в переписке.

Он писал о шестилетней великой княжне:

Ольга Николаевна очень прилежна. Она раз в неделю занимается уже и со мною и всегда очень, очень внимательна. Слушает прилежно, и что поймёт, того не забывает... Жаль мне только того, что не имею более времени: с нею очень приятно учиться.

Преподавателем русского языка и русской словесности был ректор Санкт – Петербургского университета Пётр Александрович Плетнёв.

Ольга много внимания уделяла рисованию. Уроки ей давал известный художник Александр Иванович Зауервейд.

Занималась ваянием под руководством скульптора Ивана Петровича Витали, прекрасно пела, играла на фортепиано и органе.

Наряду с домашним обучением великие княжны числились в классах Смольного женского института. Хотя большую часть программ они выполняли дома, при посещении института родственниками великие княжны надевали форму и вставали в ряды своего класса. Ольга Николаевна числилась в «белом классе», выпуск которого должен был состояться в 1838 году.

Привлекательная, образованная, говорящая на нескольких языках, увлекающаяся игрой на пианино и живописью, Ольга расценивалась как одна из лучших невест в Европе. Фридрих Гагерн, сопровождавший в Россию в 1839 году принца Александра, так описывал великую княжну:

Вторая великая княжна, Ольга, любимица русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюблённые называют небесным, но который внушает опасение врачам.

Так, оставаясь одной из перспективных и превосходно воспитанных невест Европы, Ольга, испытывая добрую зависть к счастливым бракам её брата Александра и сестры Марии, страстно тосковала о любви. Между тем ранг невесты не позволял относиться к этому без расчёта на политику влияния России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.